БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА СОВЕТСКИЙ ВОИН

Владислав Третьяк

И лед, и пламень

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В конце 1984 года закончил выступления в большом спорте выдающийся советский хоккейный вратарь, заслуженный мастер спорта Владислав Третьяк.

Впервые чемпионом мира он стал в весеннем Стокгольме в марте семидесятого года. Пятнадцать лет он играл практически без замен, мастерство его росло с каждым сезоном, с каждым турниром, с каждым матчем.

О Владиславе Третьяке написано много статей, снят фильм, и даже сочинена песня. Он завоевал симпатии миллионов людей по обе стороны Атлантики не только выдающимся умением отбивать шайбы, но и скромностью, обаянием, открытой улыбкой. В его коллекции десять золотых медалей чемпиона мира, три высших награды зимних Олимпиад, четырнадцать раз он становился чемпионом Советского Союза, четыре раза был признан лучшим вратарем мировых первенств, пять раз его чествовали как абсолютно лучшего хоккеиста Советского Союза.

Предлагаем вниманию читателей воспоминания прославленного советского спортсмена, кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета» коммуниста Владислава Третьяка.

- Владислав Третьяк
  -
  - Лейк-Плэсид,
  - «Нет, мы еще поборемся»
  - Встреча на таежной магистрали
  - Кубок Канады
  - Вместе мы — сила
  - Мечтал о небе
  - Сараево,
  - Уходя, остаюсь
  - Вместо эпилога

Владислав Третьяк
И лед, и пламень

Мой прощальный матч был назначен на декабрь.

Этот матч ничего не решал в судьбе команд, которые выходили на лед. Чистый символ… Но для меня он значил многое. В последний раз я облачился в тяжелые хоккейные доспехи, занял место в воротах, и по многолетней привычке сознание «выключило» все то, что не относится к поединку. Только бы не пропустить гол! Это больше, чем заклинание. Я прожил с этим целую жизнь. Изнурял себя тренировками. Терпел боль. Учился преодолевать страх. Шел через неудачи. Вставал и падал. Искал свою игру. Только бы не проиграть поединок, не пропустить гол.

Сколько было этих поединков, когда на мои ворота мчались лучшие форварды — наши, чехословацкие, канадские, шведские, американские… Их порыв и ярость были обращены на то, чтобы ошеломить, обвести, обмануть, «расстрелять» вратаря. Моя задача сводилась к одному: выстоять. Не ради услады собственного тщеславия, а в интересах команды, форму которой я надевал. А носил я за свою длинную вратарскую жизнь свитера только двух цветов; армейской команды и сборной Советского Союза.

Прощаюсь с хоккеем… Ухожу… Непросто, поверьте, было принять такое решение, оно пришло после долгих колебаний и раздумий. Ниже в своих записках я постараюсь все объяснить и думаю, что вы поймете меня.

Уходя, я всматриваюсь в свое прошлое, перебираю в памяти эпизоды самых волнующих поединков и вновь ощущаю на губах соленый пот «невидимых миру» тренировок. Мне есть что вспомнить: более чем 15 лет, прожитых в большом хоккее, вместили в себя много событий. О чем рассказать сегодня, прощаясь с любимой игрой? В записках, подготовленных для журнала «Советский воин», я бы хотел вернуться к хронике последнего четырехлетия. Мне кажется, что именно этот период — от Лейк-Плэсида до Сараева — может представлять наибольший интерес для читателя. Перипетии, связанные с неудачей сборной СССР на Олимпиаде-80, проблемы смены поколений и, наконец, новый взлет нашей команды еще свежи в памяти болельщиков. Для меня эти четыре года отмечены печатью особенно тяжелого труда, наиболее серьезных испытаний. Моими соперниками в поединке выступили тогда не только лучшие форварды мирового хоккея… Что помогло выстоять? Об этом и пойдет речь ниже.

Лейк-Плэсид, 22 февраля 1980 года

Узкая, похожая на купе спального вагона комната. Двухэтажные нары. Крохотное окно, забранное металлическим и прутьями. Под потолком воет вентилятор. Холодно, пусто.

Сколько я сижу здесь один? Час, два? Книга все на той же странице. Страшно болит голова.

Из-за двери до меня доносятся звуки музыки, чьи-то веселые голоса. Там, в круглом холле, после дневных баталий собираются олимпийцы — лыжники и конькобежцы, туристы… Чью-то победу будут чествовать, кого-то благодарить за «серебро» и «бронзу». По телевизору крутят видеопленки с мультфильмами «Ну, погоди!», «Крокодил Гена».

Ну, погоди… Я усмехаюсь, поймав себя на мысли, что угроза мультипликационного волка адресована лично мне. Доигрался…

Пытаюсь успокоиться, привести нервы в порядок. Собственно, что произошло? Ты что, раньше никому не проигрывал? Не пропускал обидных шайб? Ведь было?

Было-то было, но только не в таких матчах. Что сейчас дома творится!.. Как люди переживают! Эх… Я вновь сжимаю тисками ладоней голову, стискиваю зубы.

Проклятая камера! И так тяжело на душе, а тут еще эти казенные стены, стальные двери, нары.

Лейк-Плэсид, 1980 год. Мы проиграли хозяевам Олимпиады и фактически расстались с шансами на победу, когда до «золота» оставалось рукой подать.

Инсбрук-64, Гренобль-68, Саппоро-72, Инсбрук-76 — столько лет продолжалось победное олимпийское шествие советского хоккея, и вот — осечка. Два десятилетия назад, в Скво-Вэлли, американцам уже удавался этот фокус с олимпийским «золотом». И вот опять. …Я снова пытался читать, но ни одно слово не застревало в сознании, текст сливался в какую-то серую массу. И помимо своей воли я опять возвращался к недавним дням, мгновение за мгновением восстанавливал в памяти «видеозапись» последнего, рокового матча.

В Лейк-Плэсиде все было плохо. Поймите меня правильно — я говорю так не потому, что мы проиграли. Олимпийского праздника не получилось — вот что имею в виду. Не было ничего похожего на то, что спустя полгода Подарила лучшим спортсменам мира наша Москва.

Я считал, что меня уже ничем нельзя удивить. Где только не

играл за эти годы, в каких отелях не жил! Но, прибыв в Лейк-Плэсид, мы с первого и до последнего дня не переставали изумляться. Этот поселок, расположенный в глуши горного массива Адирондак, в пяти часах езды от Нью-Йорка, является, по-видимому, одним из самых неприспособленных на земле для проведения зимних Олимпийских игр. Деревенская тишина, запустение. Какие-то сарайчики, крохотные мотели. Главная улица длиной не более двухсот метров. Пресс-центр в школьном спортзале. А под Олимпийскую деревню американцы оборудовали новенькую, с иголочки… тюрьму.

— Неужели это была самая настоящая тюрьма? — недоверчиво спрашивали меня после возвращения из Соединенных Штатов многие люди. — Может быть, здесь имеет место какое-то преувеличение?

Приходилось объяснять: да, тюрьма, самая настоящая, выстроенная с применением последних достижений охранной науки и техники. С двумя рядами колючей проволоки, с тесными, без окон камерами, с насквозь простреливаемой площадью для прогулок заключенных. Каморки, в которых мы жили по двое, были настолько крохотными, что если один человек заходил, то второму приходилось или выходить, или ложиться на нары — иначе не разойтись. Звукоизоляция практически отсутствовала: стоило Петрову в камере рядом чихнуть, как мой «сокамерник» Крутов говорил ему, не напрягая голоса: «Будь здоров!» Ночами нас донимал страшный холод, приходилось спать под тремя одеялами. К тому же сну мешал надсадный вой вентиляционных моторов. Это напоминало пытку.

Камеры располагались по окружности, в два яруса, а внутри круга, на площадке, которую я несколькими строками выше назвал «холлом», был устроен импровизированный клуб нашей делегации. Вообще-то это место предназначалось для надзирателей. Теперь здесь поставили несколько телевизоров, видеомагнитофонов, киноустановку, проигрыватель — здесь же с утра и до отбоя коротали время спортсмены, свободные от стартов и тренировок. Не в камерах же сидеть. Мы, хоккеисты, особенно в дни матчей, привыкли после обеда час-полтора поспать — это своеобразная форма настройки на предстоящую борьбу. Но разве уснешь, когда за стальной дверью, в трех метрах от тебя то крутят кино, то шумно чествуют чемпионов?

Транспортными и другими неурядицами, кажется, были возмущены все; во всяком случае, газеты (даже местные) писали о них гораздо больше, чем о соревнованиях. Единственными людьми, кого это не трогало, были… организаторы Олимпиады. Они вели себя так, будто по-другому и быть не может, будто Игры

проходят хорошо и все довольны. Похоже, большинство американцев, имеющих отношение к проведению Игр, не смогли или не захотели понять, отчего ими недовольны и чего от них хотят. Возможно, это чисто американская черта — полагать, что лучше сделанного тобой сделать уже нельзя, и упорно не считаться с мнением всего остального мира.

Хозяева Игр-80 и не думали скрывать того, что Олимпиада для них является прежде всего средством хорошенько заработать. Жители Адирондака проявляли поразительное равнодушие к соревнованиям, зато их предприимчивость по части вздутия цен на все — от сувениров до мест в гостиницах — побила абсолютно все рекорды. Это был грабеж среди бела дня. Завтрак в дешевеньком баре — 10 долларов, ночлег в плохоньком мотеле — 80 долларов. У видавших виды спортсменов волосы вставали дыбом: вот так гостеприимство!

Ничего подобного не было ни в Саппоро, ни в Инсбруке.

Нам не часто удавалось гулять по Лейк-Плэсиду. Точнее, всего раз или два, но и этого оказалось достаточно, чтобы ощутить дух спекуляции и наживы, царивший повсюду. Мэйн-стрит — главная улочка поселка — напоминала в дни Олимпиады круглосуточную ярмарку: здесь денно и нощно шел торг. Бизнес делали почтенные джентльмены и совсем сопливые мальчишки. При этом они проявляли удивительную энергию и предприимчивость. Один парень на углу за четыре доллара продавал майки с надписью: «Я сумел выжить на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде». Своеобразная, согласитесь, реакция на те организационные проблемы, которые так и не смогли решить устроители Игр.

А вот еще сценка на Мэйн-стрит. Посреди улицы суетится лохматый малый с пачкой ярких наклеек, на которых написано: «Никсона — в президенты».

— Ты что, участвуешь в предвыборной кампании? — спрашиваем мы.

— Нет, просто у меня завалялись эти наклейки девятилетней давности, и я подумал — почему бы их не толкнуть? Здесь все покупают. Может быть, и это пойдет.

Одна крупная итальянская газета озаглавила свой репортаж из Лейк-Плэсида «Апокалимпикс нау» — по аналогии с нашумевшим тогда фильмом Крамера «Апокалипсис нау», повествующем об ужасах американской агрессии во Вьетнаме. Вот такая была там, в Лейк-Плэсиде, атмосфера.

Но, повторяю, в том, что случилось 22 февраля 1980 года, виноваты мы, и только мы.

Наша сборная прилетела в Штаты за неделю до зажжения

олимпийского огня. В Нью-Йорке состоялся спарринг-матч между сборными СССР и США. Счет встречи был достаточно красноречив — 10:3. Американцы оказали нам тогда чисто символическое сопротивление. Силы были слишком неравны. Соперники смотрели на нас снизу вверх, не скрывая своего почтения. Мы для этих ребят были той командой, которая не раз побеждала отборных североамериканских профессионалов. Профессионалом мечтал, стать каждый из них. Помню, вратарь Крейг все время ловил мой взгляд, а в ответ приветливо улыбался и раскланивался. Они тогда и не помышляли о победе. Вопрос был только в том, сколько шайб хозяева пропустят от именитых гостей. Пропустив десять, американцы очень огорчились: все же они были более высокого мнения о самих себе.

Кто знал, что эта победа впоследствии сыграет с нами такую злую шутку? Лучше бы мы тогда проиграли…

В матчах предварительного круга никто не мог испортить нам настроение, мы легко разделались со всеми соперниками, а японцев разгромили «всухую» — 16:0. Сенсации произошли в двух матчах. К примеру, кто бы мог предположить, что чехословацкие хоккеисты проиграют американцам? А именно так случилось вечером 14 февраля — счет 7:3 в пользу хозяев. Это был сюрприз олимпийского турнира, который означал, что хоккеистов США следует считать одними из главных претендентов на олимпийские награды.

Первым серьезным препятствием для нас были финны, накануне обыгравшие канадцев со счетом 4: 3.

Откровенно говоря, вначале мы их не очень-то воспринимали как серьезных соперников. До этого хоккеисты Суоми уступили команде Польши и с трудом выиграли у Японии. Победа над канадцами вполне могла быть одним из тех эпизодических сюрпризов, которые почти всегда преподносят финны, вдруг подставляя ножку кому-либо из лидеров. Но нет, дело обстояло совсем не так. Бело-голубые сломя голову бросились на нас, словно никакого другого варианта, кроме победного, их планы не предусматривали. Пробелы в своем хоккейном образовании соперники восполняли напором и дерзостью. А в наших действиях сначала сквозила какая-то небрежность. В итоге мы с большим трудом вырвали победу — 4:2.

Встреча с канадцами проходила по тому же сценарию: снова соперники вели в счете, мы — догоняли, а вперед вышли только в конце матча. 6:4. Зрителям это, возможно, и пощекотало нервы, но нам стало ясно: что-то не так в команде, почему-то не клеится игра. Почему? Что случилось? Соперники против нас в основном действуют от обороны — инициативой владеем мы, но сами

забить не можем, а в свои ворота пропускаем. Откуда-то взялись общая неуверенность, скованность. Шесть шайб, пропущенных в двух матчах, — это и результат моих досадных ошибок, и плоды расхлябанности защитников.

Пожалуй, из всех нас только к одному Володе Крутову не было претензий. Дебютант сборной СССР, молодой воспитанник нашего армейского клуба был включен в одно звено с Лебедевым и Мальцевым — звено практически не сыгралось, ему вначале отводилась роль запасного, но ребята показали себя молодцами.

В финальную часть турнира вошли команды СССР, Финляндии, США и Швеции. Сборные Чехословакии и Канады не попали в финал, что само по себе говорит о том, какими напряженными и коварными были эти состязания.

Американцы вышли на ответственную встречу с нами, имея в своем пассиве всего одно очко (ничья со шведами — 2: 2). По духу, по настрою эта команда была совсем не похожа на ту, с которой мы встречались неделю назад в Нью-Йорке. Куда девались почтение и робость? В их взглядах читались решимость, желание во что бы то ни стало пробиться в олимпийские чемпионы. Перелом в состоянии команды произошел после победы над чехословацкими хоккеистами и ничьей со шведами. «А ведь мы играли лучше их, — с изумлением оказал мне в Олимпийской деревне американец Шнайдер. — Значит, мы здесь чего-то стоим».

…Четыре года спустя, на Олимпиаде в Сараеве, мне подарили книгу «Один гол», написанную американцами Д. Пауэрсом и А. Каминским, о турнире в Лейк-Плэсиде. Составлена эта книга в довольно развязных выражениях — особенно по отношению ко всему тому, что не является американским. Своих же хоккеистов авторы выставляют чуть ли не национальными героями, пробудившими в Штатах дух оптимизма и веры в американскую мощь. Передержка в явно рейгановском духе. Заокеанская пропагандистская машина постаралась использовать победу хоккеистов для разжигания шовинистических настроений. Приложил к этому старание и тогдашний президент Картер. Авторы «Одного гола» невольно проговариваются, для чего был нужен Америке весь этот шум. «Уже год страна пребывала в нервозном состоянии, связанном с трудностями экономики, продолжающейся инфляцией, безработицей, неудачами американской политики в разных районах мира, — пишут они. — Нация ощущала духовное недомогание, люди были раздражены, озабочены, несчастны». А несколько выше в книге вполне серьезно утверждается, что олимпийцы США «несли груз ответственности перед президентом, государственным

департаментом, Пентагоном, заложниками в Иране и компанией «Дженерал моторс». Вот так — ни больше ни меньше. Испытывая острейшие проблемы во внутренней и внешней политике, потерпев целый ряд серьезных неудач, администрация Картера ухватилась за соломинку, протянутую тренером Бруксом и его питомцами.

Авторы книги пишут, что билеты на матч СССР — США стоимостью в 67 долларов 20 центов шли с рук по 300 долларов. «На трибунах сидели не настоящие болельщики, а богачи, имевшие возможность заплатить такие деньги, — замечают они. — Эти люди не выражали особых эмоций, как видно полагая, что за такие деньги они вправе рассчитывать на зрелище и похлеще».

Американцы, по мнению Пауэрса и Каминского, играли так, будто на карту была поставлена их жизнь. Они сознавали, что уступают в мастерстве нашим хоккеистам, но решили компенсировать это «фанатическим желанием свалить русского медведя». В книге говорится, что тренер Г. Брукс перед началом матча втолковывал своим «мальчикам»: «Вы не должны увлекаться физическим единоборством. Помните: каждый штраф лишает нас шансов на успех. Смело принимайте предложения русских к скоростной игре. Только не позволяйте им делать длинных прострельных передач и ни в коем случае не допускайте небрежности в обороне. Сдается мне, что ключевым местом игры станет середина площадки».

Так оно и было. Хозяева старательно выполнили все указания Брукса, играли как по писаному. Для нас же этот матч сложился фатально.

Сейчас можно по полочкам раскладывать причины нашего поражения, но все же лично я не способен до конца понять того, что произошло.

Главные события действительно развернулись в центре площадки, и, кстати, издалека были забиты почти все голы. Американские хоккеисты, следуя воле своего тренера, охотно приняли наше предложение играть в быстрый, комбинационный хоккей. И они действительно старались избегать силовых единоборств. Повторяю: как примерные ученики, они прилежно выполняли заданный им урок.

На девятой минуте счет открыл Крутов — он подправил шайбу, издалека брошенную Касатоновым. Через пять минут выстрелом с острого угла Шнайдер сравнял результат: шайба попала прямо, в «девятку». Затем снова мы вышли вперед: Макаров сквозь частокол защиты прошмыгнул к воротам, и — гол!

До конца периода оставалось две минуты… Одна минута… Несколько секунд… И вот тут-то нам забили шайбу, которую можно считать роковой. С центра поля по моим воротам сильно бросил Кристиан. Я отбил — не очень, правда, ловко, прямо перед собой, но ведь и никого из соперников поблизости не было. И вдруг откуда ни возьмись — Джонсон. Он подхватывает шайбу, которая уже доскользила до синей линии. Две секунды до сирены. Я не готов к этой атаке. Секунда. Бросок. Гол!.. А что же делали в этот момент наши защитники? Почему они даже не шевельнулись, когда Джонсон коршуном летел на мои ворота? Потом выяснилось: игроки задней линии… смотрели на табло, считали оставшиеся до конца периода секунды.

Да, это был ключевой момент матча и даже, возможно, всего олимпийского турнира. Так считают все, в том числе и авторы книги «Один гол». Вот как описывают они тот эпизод:

«За десять секунд до конца первого периода Морроу подобрал шайбу в своей зоне и передал Дэйву Кристиану, находившемуся на синей линии. Он крикнул ему, чтобы тот просто бросил в сторону Третьяка. Дескать, время периода все равно уже истекло. Кристиан сделал ничего не значивший бросок. Шайба, попав в щитки Третьяка, отскочила недалеко в поле. Оставалось три секунды. Самый результативный нападающий своего колледжа Марк Джонсон, который находился на синей линии, уже повернулся было, чтобы отправиться в раздевалку. Но тут он услышал рев трибун и понял, что надо что-то делать. Он увидел расслабленные лица Первухина и Билялетдинова. В мгновение ока он прошмыгнул между ними и, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском.

Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не зажегся. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся потому, что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Это было чисто символическим требованием, но… Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед. В воротах советской команды нет Третьяка. Эрузионе подъехал к Бруксу: «Мышкин в воротах!» Эта новость буквально поразила всех. Нам и в голову не приходило, что русские способны заменить Третьяка. Все были воодушевлены. Соперники, сами того не подозревая, подарили нам сильный допинг».

Да, меня заменили, заявив под горячую руку, что я подвел команду. Столько лет был незаменим, а тут «подвел».

Конечно, я сыграл не лучшим образом, однако кто может сказать, что это было следствием моей безответственности,

безволия? Я оказался не в самой боевой форме, но ведь это может случиться с каждым спортсменом (и с кем не случалось!). Быть все время в форме — это как балансировать на лезвии бритвы. Тогда, в Лейк-Плэсиде, в силу каких-то причин обрести это состояние я не сумел. И вот за секунду до конца первого периода меня сняли с игры. Теперь я наблюдал за всем происходившим со скамейки запасных. Впервые за много лет судьба золотых медалей теперь не зависела от меня.

Полны атак бурно плескались от борта до борта. Логично было бы предположить, что американцы уже исчерпали все свои силы и вот-вот остановятся, сдадутся, признают за нами право сильнейших хоккеистов Олимпиады. Но нет. На шайбу, заброшенную Мальцевым, ответил в третьем периоде Джонсон. 3:3. А еще через полторы минуты Эрузионе вывел хозяев льда вперед. Бесплодны попытки исправить ситуацию. Питомцы Брукса не только осмысленно защищались, но и беспрерывно контратаковали. Наши же играли чем дальше, тем хуже. Не было ни разнообразия в тактике, ни слаженности в обороне. Атаки не выглядели убедительными. Одно дело — вихрем летать у чужих ворот, а другое — забивать при этом шайбы.

Да, исход поединка решил один гол — недаром так назвали книгу, которую я цитировал выше. Американцы ликовали. Брукс объяснял успех верной тактикой, которую они подобрали. Блестяще, по мнению тренера, сыграл вратарь Крейг, надежность которого как бы стала фундаментом победы. «Что же касается советских хоккеистов, — отметил Брукс, — то они действовали в несвойственном им примитивном стиле. Они сделали много бросков по нашим воротам (39 против 16), но реальных голевых ситуаций создали мало».

Брукс в интервью корреспондентам говорил также, что, по существу, он и его команда исповедуют тарасовский подход к игре и тренировкам.

…Стиснув голову, я долго сидел в одиночестве, снова и снова переживая все случившееся.

Вернулся с ужина Володя Крутов, но, когда увидел мое состояние, деликатно вышел из нашей общей каморки, оставив меня одного.

«Можно ли было взять пропущенные шайбы? — спрашивал я себя. — Да, они явно не входят в число тех, которые считаются «мертвыми», я должен был их брать. Что же произошло? Может быть, нас, ветеранов, подвело слишком сильное желание стать трехкратными олимпийскими чемпионами? Так бывает: излишнее старание сковывает, превращается в свою противоположность».

Это ужасно, когда ты не оправдываешь надежд множества болельщиков. Это так больно…

Я думал о том, что зря меня заменили после первого периода. Не мог я больше ошибиться в том матче, уверен — не мог. Володя Мышкин превосходный вратарь, но он был не готов к борьбе, не настроен на американцев. Выходить на замену всегда очень тяжело, а в таком матче особенно.

Что было дальше? В последний день зимней Олимпиады американская команда обыграла финнов (4:2) и, таким образом, повторила «золотой успех» Скво-Вэлли. Мы одолели шведов (9:2), а в итоге остались с «серебром».

…Когда самолет с олимпийцами приземлился в Москве, встречающие на руках понесли от трапа лыжника Николая Зимятова, главного героя той зимней Олимпиады. Нас же оттерли в сторону, демонстративно не замечали. Поделом, конечно. Но все же… Как относительна цена спортивных успехов! «Серебро» у хоккейного болельщика совсем не в чести, только «золото» ему подавай. Мы сами «виноваты» — десятилетиями приучали к этому.

…После Лейк-Плэсида уже прошло много времени. Постепенно стерлись из памяти досадные подробности нашего «тюремного» быта. Забылись детали почти всех встреч. Но матч с американцами я помню так отчетливо, будто он состоялся вчера. Вот Шнайдер под острым углом неожиданно и сильно бросает шайбу в ворота — я с некоторым запозданием выкатываюсь ему навстречу, уж больно внезапно он здесь появился, да и по логике он должен был отдать пас партнерам… Вот Джонсон один на один со мной — неприятно, опасно, но ведь я столько раз выигрывал такие единоборства, столько буллитов отразил, а тут… Нервы? Одно я и сейчас говорю твердо: не мог я больше ошибаться, сердцем чувствую — не мог. Ну да после драки кулаками не машут.

Потребуется еще четыре года упорной работы, ожиданий, синяков, побед и неудач, чтобы на следующей Олимпиаде в Сараеве вернуть нашему хоккею титул олимпийского чемпиона. Но об этом — в одной из следующих глав.

«Нет, мы еще поборемся»

Судьба крепко взялась за меня в ту пору. Наверное, если бы я тогда покинул каток, ушел из спорта, никто бы не сказал худого слова. К тому времени я уже хранил в своей коллекции две золотые и одну серебряную олимпийские медали. Меня трижды признавали лучшим хоккеистом СССР. Ни один вратарь любительского хоккея (да и профессионального, наверное, тоже) не имел столько разных почетных титулов.

Я учился тогда на заочном отделении Военно-политической академии имени В. И. Ленина, куда поступил в 1979 году. Забот хватало. Дома росли дети, которых я, увы, почти не видел. Димка уже собирался в первый класс. Младшая Иришка была не по годам серьезной и собранной. «У нее папин характер», — утверждали родственники.

Но я не ушел — потому, в первую очередь, что сам расценил бы это как проявление слабости, как отступление. А отступать нельзя. Не приучили меня давать себе поблажку.

Сил было еще много. Я рвался в бой, хотел доказать, что неудача за океаном — это случайность, эпизод, что я не таков…

Однако на Кубок Швеции первым вратарем поехал Володя Мышкин. Об этом мало кто знает, но это так. И сыграл он там хорошо. Я был дублером. «Скорее бы закончился этот сезон», — думал я. Мне казалось: пройдет время, отдохну и все встанет на свое место.

Летом с семьей мы поехали к бабушке моей жены в Вышний Волочек. Мы там проводим каждый отпуск — в походах за грибами и ягодами, в долгих прогулках по лесам, на рыбалке. Места чудесные: озера, речки, острова… А какая рыбалка! Без улова даже новичок не возвращается. Отпуск в тех краях любые раны залечит.

Конечно, на юге тоже есть свои прелести — море, солнце. Но в каждом доме отдыха или санатории опять надо соблюдать строгий распорядок дня, который уже в печенках сидит. Завтрак, обед, ужин, подъем, отбой… Да и уж слишком людно там. То и дело тянут разделить какую-нибудь компанию, поддержать чье-нибудь застолье. Откажешься — в спину шепоток: «Зазнался Третьяк, нос задирает». Невдомек таким людям, что каждый час своего недолгого отпуска мы, хоккеисты, ценим совсем не так, как другие, ведь весь год мы почти не видим ни жен, ни детей. Весь год проходит в огромном напряжении: давай, давай! Ни на день ты не имеешь права расслабиться, забыть об этом «давай». Ждешь отпуска, как подарка.

А в Вышнем Волочке по-другому. Большой деревенский дом. Парное молоко. В семь часов мы уже на ногах и всей семейной командой — Таня, Дима, Иришка и я — отправляемся на озера. К обеденному костру кто-то несет лукошко грибов, кто-то банку ягод. Я возвращаюсь с рыбешкой. Вечером налаживаю самовар (очень люблю это дело), и с 86-летним дедом долго гоняем чай. Дед рассказывает о том, как жили тут прежде, как боролись за Советскую власть. Я вижу, что он явно гордится моим приездом перед соседями. А я счастлив, что у нас есть этот дом в Вышнем Волочке, где можно провести такой замечательный отпуск.

В первом матче турнира на приз «Известий» 1980 года с командой Чехословакии ворота защищал Володя Мышкин. Наша сборная тогда уступила — 4:5. На вторую игру поставили меня. Я старался, как в юные годы. Счет был 5:2 в нашу пользу, но это еще не все. Организаторы турнира назвали меня лучшим вратарем.

Значит, все вернулось? Празднуй, Третьяк! Нонет, я же говорю, что судьба крепко взялась за меня. Ух как крепко! Новое несчастье случилось спустя полтора месяца. Мы поехали в Горький на обычный календарный матч первенства СССР. Автобус подвез команду ко Дворцу спорта. Неся перед собой свою громоздкую сумку с вратарской амуницией, я стал спускаться по автобусным ступенькам. Шаг, еще один… Правой ногой резко ступил на землю и вдруг почувствовал острую боль в ступне. Эта боль была такой, какой я еще никогда в жизни не испытывал. Я сдавленно застонал. Ребята подбежали: что случилось? Полкоманды спустилось по этим ступенькам, и ничего, а тут… Моя правая нога со всего маху угодила в яму. Когда сделали рентгеновский снимок, выяснилось: перелом. И это — незадолго до начала чемпионата мира.

Наложили гипс. «На какое время?» — с надеждой спросил я врача. «По меньшей мере на месяц», — твердо ответил он.

Когда я на костылях появился дома, Татьяна ударилась в слезы: «Вот он — твой хоккей. Инвалидом тебя сделает». Но ее огорчение, впрочем, быстро сменилось радостью — когда поняла, что теперь-то я наверняка по меньшей мере месяц буду дома. Ни сборов, ни разъездов. Мы были женаты почти девять лет, но так редко видели друг друга. За девять наших совместных хоккейных сезонов не выпадало и трех дней подряд, чтобы я провел их в кругу семьи. А тут — месяц! Было отчего радоваться моим домочадцам, видя, как я неуклюже ковыляю по квартире с помощью костылей.

Неделю я наслаждался полным покоем. Затем спохватился. Нет, я вовсе не намерен был так просто складывать оружие.

Позвонил в клуб: «Готов приступить к тренировкам». Меня сразу поняли. Каждый день к подъезду нашего дома теперь стал подкатывать автомобиль «Скорой помощи», я спускался на костылях и ехал в ЦСКА. Там в гимнастическом зале для меня установили настоящие хоккейные ворота. Я садился перед ними на табурет, брал ловушку, и Виктор Кузькин швырял по воротам ракеткой теннисные мячи. Так мы тренировались — ежедневно по часу-полтора. Это помогло мне не потерять навыка, а самое главное — уверенности в своих силах.

Домой по указанию Тихонова доставили гребной тренажер — этот аппарат занимал половину комнаты и поначалу вызвал большой восторг у детей. Правда, они быстро остыли, уяснив, что мало радости подолгу заниматься сухопутной «греблей». Утомительное это занятие. Я же работал механическими «веслами» по многу часов. Я не был до конца уверен в успехе, в том, успею ли встать в строй до начала мирового первенства, но решил побороться, постоять за себя.

Мне было с кого брать пример. Валерий Харламов, попав однажды в больницу с тяжелейшими переломами, начал готовить себя к грядущим поединкам, буквально лежа на кровати. Доктора рассуждали о том, сколько лет потребуется Харламову, чтобы обрести обычное физическое здоровье, о хоккее они и не заикались, а Валерий, едва встав на ноги, пришел… тренироваться. Хромал, постанывал от боли, но надел коньки. Чуть ли не в первую же минуту случайно брошенная шайба угодила Харламову в то место, где был перелом. Со льда его унесли. «Ну, все, — с тоской подумали мы, — это надолго». Однако следующим утром Валерий снова появился на катке. Да, в чем-то врачи были правы: Харламов и спустя несколько лет ходил, прихрамывая. Но зато как играл!

Или взять Александра Мальцева, которого травмы преследовали ну просто роковым образом. Какое надо было иметь терпение, мужество, чтобы каждый раз возвращаться в строй!

Мужество, стойкость, отвага для меня неразрывно связаны с такими понятиями, как патриотизм, верность долгу, честь. Подонок никогда не проявит смелость. Драчливость — да, ухарство — возможно, безрассудство — может быть, но ведь мы говорим о категориях подлинных. О проявлениях мужества ради высокой цели, об отваге во имя благородной победы.

История нашего спорта содержит поразительные примеры самоотверженности. Но они меркнут перед теми проявлениями стойкости, которые демонстрируют сегодня воины ограниченного контингента советских войск в Афганистане, выполняющие свой интернациональный долг. Недаром некоторые из них удостоены

высших государственных наград, стали Героями Советского Союза. Вот перед кем все должны преклоняться! Мне довелось слышать выступления офицеров-интернационалистов — вертолетчика Щербакова, мотострелка Аушева, десантника Козлова, — моих ровесников, мундиры которых украшают Золотые Звезды. Они мало рассказывали о собственных подвигах — больше говорили о героизме товарищей, презревших смертельную опасность ради счастья другого народа. Однажды в «Красной звезде» я прочитал очерк о человеке, судьба которого сходна с судьбой Маресьева: подорвавшись на бандитской мине, он потерял обе ноги, но сумел вернуться в строй и даже настоял на назначении его в родное подразделение, которое оказывает содействие афганцам в отражении агрессивных действий извне. Майор Радчиков… Потрясающий пример силы духа, верности долгу, коммунистической стойкости.

Такие люди, их поступки и всех нас делают сильнее.

…Гипс сняли через три недели. Я почти тут же вышел на лед, сразу почувствовав, насколько далеко назад отбросила меня эта травма. Даже Татьяна по телетрансляции заметила мою неуверенность, частые, необдуманные падения, какие-то лишние, не свойственные мне раньше, движения. А до чемпионата оставались считанные дни.

Пришел к Тихонову:

— Наверное, не успею, Виктор Васильевич. Не хочу подводить команду.

Ответ тренера был неожиданным:

— Да, мы видим, что ты не в форме. Но время еще есть. Ты успеешь. Мы верим в тебя.

Наверное, скажи он как-нибудь по-другому, не так определенно, я действительно опустил бы руки. А после тех слов будто второе дыхание открылось.

Как дальше складывались события, болельщики, наверное, помнят. В Стокгольме и Гетеборге я отстоял за сборную во всех матчах, кроме последнего, который уже ничего не решал, потому что мы досрочно стали чемпионами мира. В решающем поединке наша команда буквально разгромила шведов.

Запомнилось, что на чемпионат, чтобы поддержать своих, приехали знаменитые профессионалы из Канады Робинсон и Ги Ляфлер — после того, как их монреальский клуб выбыл из розыгрыша Кубка Стэнли. Ляфлера корреспонденты спросили: в чем, по его мнению, кроется сила советских хоккеистов?

— Об этом можно говорить долго, — ответил канадец. — Но можно и одной фразой: они большие патриоты своей Родины.

Попал, что называется, в точку.

Встреча на таежной магистрали

Летом 1981 года по командировке ЦК ВЛКСМ, я побывал на уникальных нефтяных месторождениях Западной Сибири и у строителей БАМа. Не один, конечно. Путешествовали мы целой «командой» — тренеры Тихонов и Юрзинов, хоккеисты Мальцев, Шалимов.

Считается, что во время таких поездок спортсмены в порядке, так сказать, шефства над ударными комсомольскими стройками, пропагандируют достижения хоккея, агитируют людей заниматься спортом. — Верно, это так. Но знали бы вы, сколь много дают эти встречи нам самим, какой силой они нас заряжают! Когда встречаешься со своим болельщиком не на столичном стадионе и не рядом с ним, а, как говорится, на переднем крае, когда держишь отчет перед людьми, которых по праву называют первопроходцами, творцами истории, то невольно ощущаешь волнение особого рода. Как перед самыми ответственными международными матчами. Сибиряки — нефтяники, строители, геологи, тоннельщики — вот кто настоящие герои! На фоне их самоотверженного труда твои успехи кажутся куда как скромными.

«Порой, когда от тренировочных нагрузок становилось невмоготу, вдруг вспоминал эти встречи, и думалось: ну нет, брат, терпи, ведь тем ребятам приходится еще труднее и их не показывают по телевизору. Терпи!

Так что еще неизвестно, кто больше заинтересован в подобных командировках — хозяева или гости.

Программу поездки нам Составили плотную: приходилось выступать по три-четыре раза в день — и в больших залах, и в крошечных вагончиках, и просто рядом с буровыми вышками, на лесных просеках. Везде нас принимали как самых желанных гостей.

На вертолете мы прилетели в глухую забайкальскую тайгу, где строился один из участков БАМа. Спрыгнул на землю и… тут же попал в объятия какого-то местного богатыря-первопроходца. Он извлек из карманов две бутылки шампанского. Пробки, выстрелив, полетели в небо. Парень, еще не выпив ни глотка, уже был пьян от счастья.

— Вот уж никогда не думал, что увижу настоящих Мальцева и Третьяка. И где! В глухой тайге, за много тысяч километров от Москвы! — кричал он.

Его глаза сияли, он протягивал нам шампанское!

— Выльем по русскому обычаю за встречу. У меня ведь

сегодня двойной праздник — утром сын родился. Ну и денек!

— От души поздравляю, — говорю. — А как сына назовешь?

— Еще не решил.

Потом мы, разделившись на две группы, разъехались в разные стороны: одни к монтажникам, другие — к тоннельщикам. Через два дня встретились на вертолетной площадке, чтобы возвращаться, как там говорят, на «большую землю». И опять ко мне тот строитель-богатырь подошел. На этот раз без бутылок, зато с крошечным ребенком, завернутым в голубое одеяло.

— Вот он, мой сын, — говорит. — Специально из родильного дома забрал, чтобы ему вас показать. Вырастет мальчишка, и я ему расскажу, что родился он в тот день, когда на БАМ Третьяк приезжал.

Я был тронут. Мы тепло попрощались, обнялись. Я уже пошел к вертолету, когда счастливый парень снова окликнул меня:

— А чего же не опрашиваешь, как я сына-то назвал?

— ?

— Владислав! Конечно Владислав!

Ну разве можно забыть!

Замечательные мои болельщики… Сколько раз в трудные моменты ваша поддержка помогала мне. Вы не скупились на аплодисменты, а бывало, великодушно прощали промахи. В своих письмах вы давали множество советов и щедро расточали похвалы.

Я всегда — где бы мы ни играли — чувствовал ваше доброжелательное отношение, вашу веру. Между нами никогда не было недоразумений — никогда, начиная с того памятного матча ЦСКА — «Спартак» в 1969 году, от которого я веду отсчет своей хоккейной карьеры. Когда в тот день А. В. Тарасов поставил меня в состав, даже бывалые армейские игроки восприняли эго недоверчиво: еще ни разу их ворота не защищал мальчишка. А болельщики в меня поверили: каждую мою удачу в том матче, даже самую маленькую, они награждали аплодисментами.

С тех пор у меня установились самые теплые отношения с любителями хоккея, и я всегда рад встречам с ними. Нас, хоккеистов, часто приглашают на спортивные вечера, которые проходят в воинских частях, студенческих аудиториях, заводских клубах. Зал обычно набивается до отказа. Люди как будто хотят поближе рассмотреть нас, сопоставить хоккейное умение с чисто человеческими качествами, проверить свое отношение к тому или иному хоккеисту. Такие встречи для нас — ответственный экзамен.

Однажды газета «Комсомольская правда» попросила своих читателей высказаться о самых известных советских спортсменах,

выразить мнение об их мастерстве, характере. Редакция познакомила меня с теми письмами, которые начинались со слов: «Мой любимый спортсмен — Владислав Третьяк». Их было много, и они действительно напоминали признание в любви. Мне тогда было лет двадцать пять, и, слава богу, хватило ума не утонуть в этом потоке похвал, отнестись к ним как к авансу, выданному в счет будущих успехов.

Глубоко уважаю истинных ценителей и знатоков спорта. Без них нельзя представить себе наш хоккей. Правда, встречаются среди болельщиков фанатично настроенные люди, которые, не разбираясь в тонкостях игры, не понимая ее красоты, дни напролет проводят за разговорами о «своей» команде, считают и пересчитывают очки и шайбы, перемывают косточки игрокам. Как убоги эти разговоры! И как хорошо, что таких «болельщиков» у нас меньшинство. Если они и бывают заметны, то не числом, а своей крикливостью и распущенностью.

Мне рассказывали, что, когда в Праге проходил решающий матч первенства мира и Европы 1978 года, в московских аэропортах были задержаны вылеты нескольких рейсов: все пассажиры столпились у телевизоров, и никакие объявления, призывы, уговоры не могли заставить их пройти на посадку. После этого матча, закончившегося нашей победой, мы получили тысячи телеграмм. Ведь то была победа, по которой особенно соскучились, которую особенно ждали. До этого два года подряд — в Польше и Австрии — мы проигрывали чемпионат. Нас крепко поругивали тогда, но главное было другое: в нас верили. А когда в тебя верят, горы можно свернуть.

Как офицеру, члену армейского спортивного клуба с 20-летним стажем, мне доставляют особую радость встречи с воинами. На них бывает какая-то очень уж теплая, доверительная атмосфера. Здесь все — твои болельщики, твои заочные друзья. Чувствуешь, что зал излучает импульсы дружелюбия, признательности, неподдельного интереса. Люди слушают затаив дыхание, ловят каждое слово. А потом сотни рук тянутся за автографами, и встреча кончается только тогда, когда я удовлетворю все просьбы.

Наши армейские болельщики не столь темпераментны, как, скажем, поклонники другого популярного столичного клуба, но зато они имеют куда более значительные достоинства, и главное — умение разглядеть в хоккее подлинную красоту, оценить тонкую комбинацию, хитрый пас, благородство в игре. Есть болельщики, вниманием которых я особенно дорожу. Когда они на трибуне, играешь — как подарок им делаешь.

Одним из таких людей был Герой Советского Союза

полковник Василий Архипович Гелета. Летчик, фронтовик, он самозабвенно любил хоккей и часто бывал на матчах. Мы познакомились еще на заре моей вратарской карьеры. Какой человек! Бывая у него дома, я с глубоким волнением рассматривал боевые награды Василия Архиповича — ордена, медали, расспрашивал его о войне, о воздушных боях. Еще тогда я глубоко осознал одну святую истину: мы все в неоплатном долгу у тех, кто отстоял свободу Родины. Они ценой собственной крови подарили нам эту прекрасную жизнь. Сегодня мы играем в хоккей потому, что сорок лет назад они дошли до Берлина.

Есть у меня и еще одна причина относиться к полковнику В. А. Гелете с особым чувством. Сугубо, так сказать, личного свойства. В 1972 году он познакомил меня с девушкой, своей соседкой. Ухаживал я за ней недолго: ровно через месяц Таня стала моей женой.

Василия Архиповича уже нет, он не дожил до моего прощального матча. Но по-прежнему я часто бываю в его доме. С трепетом беру в руки фронтовые награды. И это тоже делает меня сильнее.

Кубок Канады

Начался сезон в том году необыкновенно рано — уже в сентябре от нас требовалось показать свою лучшую форму, потому что сборной СССР предстояло участвовать во втором розыгрыше Кубка Канады.

Незадолго до отлета за океан сыграли два матча со шведской сборной, усиленной такими выдающимися мастерами, как Сальминг, Хедберг, Нильсон. Трибуны были переполнены: соскучились шведы по своим «звездам», «гастролирующим» в составах североамериканских профессиональных клубов. Играли на укороченных площадках — таких, какие приняты в Канаде. Привыкали. Оба матча мы выиграли, а затем, также дважды, в спарринг-поединках одолели и финнов.

Пока летели в Монреаль, я вспоминал все, что было связано с первым турниром Кубка Канады, состоявшимся в 1976 году, и вообще с североамериканскими профессионалами.

Я был младенцем, когда советские хоккеисты впервые отправились за океан. Из рассказов А. В. Тарасова знаю, как настороженно принимали их тогда в Канаде и США. Какие нелепые и глупые вопросы о лаптях и медведях задавали североамериканцы нашим ребятам! Некоторые специально подходили их потрогать, чтобы убедиться, что русские сделаны из того же теста.

А вспомните осеннюю Москву 1972 года. Взбудораженные москвичи толпятся у выхода из Дворца спорта в Лужниках, сутки напролет дежурят у подъезда гостиницы «Интурист» на улице Горького. Караулят канадских профессионалов. Завидев их, тянутся за автографами, рассматривают гостей во все глаза. Фамилии игроков произносят с огромным почтением — каждый из них для московского болельщика окружен ореолом легенд, где не поймешь, что правда, что вымысел. Вся жизнь крутится вокруг шайбы. Попасть на матч почти так же трудно, как добиться зачисления в отряд космонавтов.

Фил Эспозито во время представления игроков перед первой встречей, поскользнувшись, падает на лед. Трибуны в оцепенении: это же «великий Эспозито»! Как он мог допустить такую оплошность? Но, возможно, Фил специально придумал этот трюк с падением, чтобы вызвать симпатии у зрителей и разрядить чересчур официальную атмосферу? Да, конечно, он это сделал специально. Ну и молодец! Оказывается, профессионалы — обыкновенные люди, такие же, как мы, они тоже могут и плакать, и улыбаться. Трибуны взрываются аплодисментами, лица людей

сияют.

Чтобы узнать друг друга, надо встречаться. Чтобы верить друг другу, надо вести диалог не только в зале заседаний ООН, но и на хоккейном льду.

К Кубку Канады у всех хоккеистов отношение особое. Объясню почему. Сильнейшие любительские сборные выступают в чемпионатах мира и Олимпиадах, которые мы считаем самыми важными соревнованиями, поэтому всю свою подготовку нацеливаем на то, чтобы именно к этим испытаниям подойти в самой лучшей форме. Североамериканские профессионалы молятся на Кубок Стэнли, являющийся их главным призом. И хотя мы играем в один хоккей, но, увы, жизнь складывается так, что в рамках существующих турниров регулярные встречи лучших профессионалов и любителей пока проходить не могут.

Другое дело Кубок Канады. Он собирает, бесспорно, самых ярких «звезд» мира. Шведские и финские игроки, выступающие сейчас за профессиональные клубы Северной Америки, для участия в Кубке могут вернуться под знамена своих сборных, и тренеры этих сборных теперь уже способны показать товар лицом, а не оправдывать свои неудачи отсутствием сильнейших хоккеистов. Канадцы и американцы, насколько мне известно, тоже придают огромное значение этому осеннему турниру, не без оснований полагая, что здесь проверяются стратегические концепции развития мирового хоккея на ближайшие годы. Всегда охотно участвуют в Кубке наши чехословацкие друзья, которые расценивают его как великолепную возможность проверить молодых хоккеистов. Они справедливо считают, что если ты прошел горнило Кубка Канады и показал себя достойно, то на тебя можно положиться в любых грядущих испытаниях.

Наконец, не будем забывать о болельщиках по обе стороны океана: для них встречи сильнейших любительских и профессиональных сборных — всегда зрелища из самых лакомых.

В 1976 году наш дебют не был удачным. Так получилось, что к осени некоторые лучшие советские хоккеисты оказались не в состоянии выйти на лед. Болезни, травмы… Поэтому в Канаду отправился не первый состав сборной, а так называемый экспериментальный вариант, который включал необстрелянных ребят.

Я с двойственным чувством летел тогда в Монреаль. С одной стороны, мне снова хотелось сразиться с профессионалами — этими искушенными мастерами хоккея. Было заманчиво опять окунуться в океан ни с чем не сравнимых страстей. Хотелось проверить себя, свое умение и свой характер: все ли как прежде? Но наряду с этим смущало отсутствие в команде испытанных

бойцов. Я хорошо представлял себе, какой упорной будет борьба.

Мои опасения, к сожалению, подтвердились: новички команды слишком волновались и не показали хорошего хоккея. Главные награды в тот раз разыгрывались без участия советской сборной. Победили канадцы, которых тренировал Скотти Боумен.

Мою досаду несколько скрасили тогда два обстоятельства. Во-первых, приз «Лучшему вратарю», который мне вручил Жак Плант. А во-вторых, победа в своеобразном состязании голкиперов и форвардов, так называемом «шоу-даун». В 1976 году впервые состоялось «интер-шоу», где наряду с ведущими профессиональными «звездами» участвовали европейские мастера. Все собрались в небольшом поселке близ Торонто: 8 вратарей и 16 полевых игроков. Мы, гости, признаться, с некоторым трепетом появились на катке. Но уже вскоре благодаря доброжелательной обстановке, царившей среди участников, освоились. И хотя спортсмены не понимали языка друг друга, это не мешало всем нам быстро сдружиться, проникнуться взаимными симпатиями.

Сначала полевые игроки состязались в искусстве обводки, быстроте действий и точности броска. По условиям турнира, форвардам предстояло выполнить ряд очень тяжелых упражнений, требующих безупречного владения клюшкой, снайперской меткости. Редко кому удавалось сделать все как надо. Судьи учитывали даже скорость полета брошенной по воротам шайбы — ее измеряли специальным радаром.

Затем наступил черед вратарей. Первым на мои ворота бросился Потвин, но все его атаки я отбил. Лярош был удачливее: он сумел забросить две шайбы из трех. В полуфинале мой результат оказался еще лучше — Ситлер не смог забросить ни одной шайбы, а Грант забил только одну. В финале я вышел на лед и подумал: «А ведь тебе ничто не мешает установить рекорд — шесть из шести. Вперед!» И действительно, все шесть попыток — а мои ворота атаковали Глинка и Грант — окончились в мою пользу. Я завоевал первый приз среди вратарей. Иван Глинка — среди нападающих.

Кстати, почему бы не проводить такое необыкновенное состязание и у нас? Представляете, как будет интересно болельщикам. Да и для популяризации хоккея дело это очень важное. По-моему, нашему телевидению это дело вполне по силам.

Спустя пять лет мы ехали за океан не экспериментировать, а побеждать. И убеждать — тех, кто сомневался в наших чемпионских полномочиях после мирового первенства (были в некоторых западных газетах жалкие попытки бросить тень на

нашу победу, основанные на том, что, дескать, за сборные Швеции и Финляндии не выступали их сильнейшие хоккеисты-профессионалы).

В Канаде нас застала печальная весть: трагически погиб в автомобильной катастрофе Валерий Харламов. Никогда не забыть: каток в Эдмонтоне, минута молчания в память о выдающемся советском спортсмене. Обнажив головы, стояли напротив нас профессионалы. Скорбно замерли на трибунах 18 тысяч канадских зрителей. Наверное, в этот момент люди испытывали одно и то же чувство: великий Харламов с его неповторимым талантом принадлежал всему человечеству. Всем, кому дорог спорт.

И потом все дни, что мы были за океаном, канадцы подходили к нам на улицах, выражали свое искреннее соболезнование. Телевидение по нескольким программам показывало видеозаписи голевых моментов с участием Валерия Харламова. Все понимали, что это утрата невосполнимая.

Матч в Эдмонтоне, которому предшествовала минута молчания, был товарищеским, перед начало Кубка. Мы этот матч, кстати, проиграли. Хозяев льда применили против нас тактическую новинку которой следует рассказать. Уэйн Гретцки, знаменитый снайпер из «Эдмонтон Ойлерс», подолгу маячил с шайбой за моими воротами. Я и все наши защитники, естественно, переключали значительную част своего внимания на него. А в это время на пятачок с ходу влетал кто-нибудь из канадских форвардов обычно это был Перро, — ему следовал точный пас и… Все это канадцы довели до совершенства. Видимо, не одну тренировку посвятили они шлифовке своей тактической новинки. И поначалу это позволял им много забивать. Весь турнир мы искали противоядие. Наконец пришли к выводу, что надо лишить возможности Уэйна Гретцки спокойно раскатывать за воротами. Это помогло.

В нашей команде завершался процесс смены поколений. Тренеры производили омоложение на ходу, никто не давал им на это никаких скидок. Сборную покинула целая плеяда выдающихся хоккеистов, из «старичков» остались только Валерий Васильев, Александр Мальцев и я. Но и молодежь к нам при шла не робкого десятка: в ее игре виделся самобытный почерк, да и характеры были тверды. Если на мировом чемпионате в Праге (1978 год) широкой публике открылся талант Макарова, а спустя два года в Лейк-Плэсиде засверкало дарование Крутова, то Кубок Канады заставил говорить о блистательном мастерстве и бесстрашии Ларионова. С виду Игорь никак не похож на ледового бойца. Кажется, ему бы на скрипочке играть. Кто он рядом с

двухметровым гигантом Робинсоном? Но как обманчива бывает внешность! Ларионов показал такую страстную жажду борьбы, такое великолепное мастерство, что стал подлинным героем турнира. В финальном матче Кубка Канады, который свел нас с хозяевами льда, именно Игорь открыл счет, хитроумно обыграв того же Робинсона. Это привело в изумление не только трибуны, но и добрую половину всех участвующих в том поединке хоккеистов.

Однако не буду забегать вперед. Тогда каждый матч, образно говоря, был финальным. Как и пять лет назад, на старте мы встречались с командой ЧССР. Спор, отличавшийся необыкновенно упорной борьбой, завершился вничью (1:1). Матч со шведами тоже складывался непросто: долгое время мы шли вровень, но, когда при счете 4:3 Нильсон не забил мне из выгоднейшей ситуации, в игре наступил перелом. Разрыв увеличил Мальцев, который каким-то непостижимым образом забросил пятую шайбу буквально, как мы говорим, «с нулевого угла».

Теперь американцы. Болельщики говорили нам перед отъездом: «Кубок Канады можете уступить, но чтобы у американцев выиграли обязательно». Болельщики никак не могли забыть поражение в Лейк-Плэсиде. Ворота сборной США защищал Тони Эспозито, который ради выступления в Кубке даже сменил подданство, став американским гражданином. В составе их команды было немало игроков из «золотой» олимпийской сборной. Они рвались снова показать себя, убедить всех, что тот их успех не был случайным.

Тони пропустил четыре шайбы. Я — одну. Но каких же усилий мне это стоило! После второго периода голова кружилась так сильно, что я с трудом добрел до раздевалки. Перед глазами плавали разноцветные круги. Врач с трудом привел меня в сносное состояние.

Следующий матч — с канадцами, — по сути дела ничего не решал, был почти формальностью, так как и мы, и хозяева уже вышли в полуфинал. Мне позволили отдохнуть. Канадцы были в ударе. Гретцки Босси, Перро и их товарищи, к шумному восторгу публики, выиграли встречу со счетом 7:3. В Канаде после этого мало кто сомневался в том, что Кубок вновь вручат их любимцам.

У нас в команде к проигрышу отнеслись спокойно. Мы несколько раз посмотрели видеозапись матча, детально разобрали ряд ключевых ситуаций, окончательно определили, что же предпринять против коварного маневра Гретцки. Не было ни паники, ни переоценки своих сил. Была уверенность.

В полуфинале мы выиграли у чехословацких хоккеистов, а

канадцы — у сборной США. И вот финал., Огромный каток «Форум» в Монреале. Снова «Форум»… У меня с этим хоккейным стадионом связаны такие воспоминания, которые будут волновать всю; жизнь. Здесь 2 сентября 1972 года матчем советской сборной и сильнейших профессионалов НХЛ, по существу, началась новая эра в развитии мирового хоккея. Тот матч в «Форуме» мы выиграли со счетом 7:3, повергнув Канаду в состояние шока. Не будет преувеличением сказать, что это событие на какое-то время отвлекло внимание болельщиков мира даже для проходивших тогда в Мюнхене летних Олимпийских игр. Мы сами не сразу поверили в свою победу.

А матч ЦСКА — «Монреаль канадиенс» в последний вечер 1975 года! Разве это можно забыть! Появление хоккеистов на льду трибуны «Форума» тогда встретили таким ревом, какого я больше никогда не слышал. Обычно во время игры я всегда стараюсь подсказывать что-то своим партнерам, давать им какие-то советы. Здесь же делать это было абсолютно бессмысленно: все тонуло в громе, который обрушивался с трибун. Первый период мы проиграли со счетом 0:2. Затем Михайлов и Курнуайе обменялись шайбами. Харламов «фирменно» обыграл двух канадцев, уложил вратаря Драйдена и сократил разрыв в счете. А в третьем периоде Александров сравнял результат — 3:3. Трибуны безумствовали. Это был хоккей редкий по напряжению и красоте. Возможно, это был лучший матч из всех, которые я когда-либо видел. В Канаде его вспоминают и сейчас, считая эталонным.

Снаружи «Форум» не бросается в глаза. Построен он, прямо скажем, без особых архитектурных фантазий. Бетонный куб среди нагромождения множества таких же довольно безликих домов. Вы можете пройти мимо и даже не понять, что это тот самый «Форум» — святая святых канадского профессионального спорта, главный храм хоккея, куда стекаются тысячи паломников. Да, красотой он не вышел, зато внутри есть все для того, чтобы спортсмены, зрители, судьи, журналисты, не имея никаких проблем, могли поклоняться Хоккею.

Генеральный менеджер «Монреаль канадиенс» Серж Савар — тот самый, что в 1972 году был игроком сборной НХЛ, могучий, с

карими глазами и красиво очерченными губами канадец французского; происхождения — как-то показал мне весь «Форум» от чердака до подвала. Его рассказ, по-моему, будет интересен и вам.

— Наши трибуны насчитывают 16 076 сидячих мест, и еще две тысячи человек могут смотреть хоккей стоя, — говорил мне Савар, показывая на ряды кресел, круто уходящих под самую крышу. — Впрочем, когда в 1972 году мы с тобой встретились на этом льду, сюда набилось 22 тысячи зрителей. «Форум» был построен в 1924 году, но его трибуны тогда вмещали только 5 тысяч мест. Он выдержал три реконструкции. Последняя, в 1968 году, сделала здание таким, каким его видят сегодня.

Здесь проходят 50 хоккейных матчей за сезон, а кроме того — цирковые и эстрадные представления, ледовые ревю, выставки автомобилей, концерты рок-музыки, соревнования по гимнастике, волейболу, баскетболу. Во время летней Олимпиады-76 «Форуму» доверили финальные поединки боксеров.

— Мы продаем два миллиона билетов в год, — добавляет менеджер по административным вопросам и, как я понимаю, правая рука Савара остроумный Джерри Грудман. — На этой арене мы могли бы проводить даже бои быков.

Савар затягивается сигарой, добровольно уступая инициативу своему помощнику, а тот охотно принимает обязанности гида:

— Это буфеты и бары — их ровно столько, чтобы за девять минут накормить всех зрителей.

— Почему за девять?

— Перерыв длится пятнадцать минут — так? Три минуты болельщику даем, чтобы выйти в фойе, три — чтобы войти обратно. Остается девять. Все двери, — с гордостью говорит Грудман, — у нас можно открыть одновременно нажатием кнопки на пульте. Почти двадцать тысяч зрителей спокойно покидают помещение всего за двенадцать минут.

Возникает вопрос о стоимости билетов. Оказывается, посещать хоккейные матчи в Монреале — увлечение накладное. В среднем билеты стоят по 6 долларов, а чтобы сидеть на хороших местах, надо платить 17,5 доллара. Две с половиной тысячи человек являются обладателями постоянных сезонных абонементов на матчи — это так называемые члены клуба «Монреаль канадиенс», элита канадских болельщиков. Вступить в клуб почти так же трудно, как стать членом английского парламента. Места передаются по наследству, юридически завещаются ближайшим родственникам. Некоторые состоят в клубе по 30–40 лет. Им отведены в «Форуме» специальные, с комфортом оборудованные помещения, а на трибунах

застекленные угловые галереи, где разрешено курить.

Вообще, как и во всяком солидном заведении традиции здесь чтут очень строго. Скажем, эмблема «Монреаль канадиенс» остается неизменной целых 67 лет.

Для журналистов в «Форуме» предназначена галерея прессы — это что-то наподобие металлического балкона, подвешенного под самым потолком, где каждое место персонально расписано за ведущими хоккейными обозревателями. Вот кресло с пюпитром №57, на нем металлическая табличка — «Жан Беливо». Напротив, по другую сторону площадки, такая же галерея, предназначенная для корреспондентов телевидения и радио. Чуть ниже находятся восьмиместные ложи, которые на весь сезон арендуются фирмами и компаниями. Аренда такой ложи стоит 10 тысяч долларов.

В пресс-центре «Форума» стоят телетайпы, телефоны. Есть табло, которое показывает счет матчей, проходящих на других катках лиги. Стены украшены портретами капитанов «Монреаля» — Сержа Савара, Анри Ришара, Боба Гейни, Ивана Курнуайе, Жана Беливо, Мориса Ришара… За стеклами витрин пожелтевшие от времени газеты с репортажами о триумфах «Канадиенс», другие реликвии.

Вообще надо сказать, во всем, что касается уважения к своим верным болельщикам и хоккеистам, у канадцев можно поучиться. Савар показал мне помещение, которое специально предназначено для ветеранов команды — это тоже своеобразный клуб, членом которого становится каждый, кто сыграет за «Монреаль» не менее ста матчей. Сюда он может приходить с членами своей семьи, отдыхать, встречаться с коллегами, общаться с прессой.

— Ни одна команда НХЛ до этого еще не додумалась, — с гордостью сообщил Савар.

Фотографии ветеранов, большие, прекрасно выполненные, смотрят на вас со стен раздевалки. Над ними крупная надпись: «Из своих уставших рук мы передаем вам эстафету, которую вы должны с честью нести дальше». Другая стена раздевалки сплошь увешана черными досками, на которых золотом выведены все составы «Монреаль канадиенс» за многие годы. Мелочи? Я бы так не сказал. Все это те самые детали, которые и делают атмосферу по-настоящему «клубной», приучают игроков дорожить именем и честью команды.

Вплотную к раздевалкам примыкают разминочный зал, кабинет скорой медицинской помощи, включая операционную, сауна, бассейн, холлы для совещаний игроков, оборудованные видеоаппаратурой. Есть даже комната, в которой коротают время в ожидании финального свистка жены хоккеистов. Она

небольшая, но очень уютная.

В вестибюле мы увидели галерею бронзовых бюстов.

— Это те, кто внес наибольший вклад в развитие монреальского хоккея, — пояснил Савар. Он стал перечислять имена и профессии: тренер, архитектор, писатель, журналист, игрок, комментатор… Откуда-то из-за широкой спины Сержа вновь показался Джерри Грудман.

— Следующий бюст должен быть моим, — лукаво сказал он. — Потому что я начинал в «Форуме» с должности мальчика на побегушках, а теперь, — он выпятил свою хилую грудь, — мистер Савар не может без меня ни шагу шагнуть.

— О'кей, Джерри. — Добродушие генерального менеджера было непробиваемо. — Но для начала ты поможешь мне три раза подряд завоевать Кубок Стэнли.

Я заметил, что настроение Грудмана при этих словах заметно ухудшилось. «Монреаль», который в 1977 году официально признали «лучшей командой канадского хоккея всех времен», в последнее время стал все чаще огорчать своих поклонников. Возможно, это связано с тем, что несколько лет назад клуб был перекуплен семейством пивного короля Молсона. Прежние владельцы братья Бронтманы уступили 19-кратных обладателей Кубка Стэнли за 20 миллионов долларов. Кстати говоря, понятно, почему «Форум» так обильно напичкан теперь рекламой пива «Молсон»: по традиции владелец «Монреаль канадиенс» превращает каток в витрину для рекламы своих товаров.

— Хорошо, что мы не достались фирме по сбыту похоронных принадлежностей, — мрачно пошутил по, этому поводу Джерри.

Да, рассказывая о знаменитом монреальском клубе, мимо этого факта не пройдешь. «Монреаль» может существовать только в виде конгломерата спорта и бизнеса — такова реальная капиталистическая действительность. Именно этим объясняется столь нелепая для советского человека деталь, как реклама алкоголя на хоккейных бортах. Дух коммерции пронизывает всю деятельность этой спортивно-пивной корпорации.

…И вот вновь сотрясаются бетонные стены от рева тысяч глоток. «Форум» жаждет победы «Кленовым листьям». Вся Канада приникла к телевизорам. Второй в истории финал Кубка.

Скажи нам кто-нибудь до начала матча, что мы победим в этот вечер со счетом 8:1, никто из нас в это бы не поверил. Канадцы были сильны. За них к тому же «играл» фактор родных стен. Большинство болельщиков абсолютно не сомневались в их предстоящей победе. Все это так… А счет между тем 8:1 в нашу пользу. Накануне газеты писали: «Исход финала будет во многом зависеть от того, как сыграет Третьяк». Я сыграл как надо. И все

остальные наши ребята показали максимум того, на что они способны.

Что же случилось с канадцами? По-моему, их подвело излишнее волнение. Очень хотелось им блеснуть перед миллионами своих болельщиков. Очень! Они «сгорели» еще до матча.

Вначале хозяева имели довольно много выгодных моментов, но никак не могли забить. А потом, когда сами пропустили несколько шайб, в их рядах наступил развал. Я видел это впервые. Обычно профессионалы бьются до конца, независимо от того, какой счет на табло. А тогда они, как по команде, сдались на милость победителя, у них опустились руки. Мне было просто жаль их вратаря, которого команда оставила на растерзание нашим форвардам. Болельщики неистовствовали.

Уже дома, в Москве, меня встретила во дворе старушка соседка.

— Ой, сынок, да ты ведь Третьяк?

— Да, бабуля.

— Дай я тебя поцелую. Я ведь, когда вы играли с этими супостатами, телевизор крестила. А когда вы их одолели, всю ночь плакала. Это же надо, наш советский Гимн где пели!

…Да, такие соревнования не просто способствуют прогрессу хоккея, взаимообогащению двух хоккейных школ. Они приносят радость людям, живущим по обе стороны Атлантики. Их главное значение том, что они служат делу сохранения мира, развитию дружественных связей между странами с различным социальным строем. В мирном диалоге спортсмены, порой способны сделать больше, чем политики. Так разве можно упускать такую возможность!

Спорт открывает сердца и растапливает лед недоверия.

* * *

Третий розыгрыш Кубка Канады, состоявшийся сентябре 1984 года, проходил без меня. Впервые за много-много лет я наблюдал за хоккейным турниром со стороны, видел борьбу своих товарищей не из ворот, а на экране телевизора. Переживал, волновался по-особому. Теперь мне уже не нужно было беречь свои нервы, заботиться о своем самообладании…

Наши проиграли в драматическом полуфинале. Но хочу сразу подчеркнуть: тот состоявший из четырех периодов матч по сути своей конечно же бы финальным. Это первое. И второе: поверьте мне на слово, что наша команда по всем показателям

превосходила соперников по Кубку. Она была абсолютно лучшей. Увы, формула розыгрыша оказалась такой, что одна пропущенная шайба, несмотря на пять одержанных до этого побед (у канадцев их бы только две), лишила сборную СССР шанса продолжить дальнейшую борьбу.

Отправляясь за океан, тренеры нашей сборной столкнулись с тяжелейшими проблемами. Незадолго до этого в Италии на Кубке европейских чемпионов перелом ноги надолго вывел из строя лучшего хоккеиста Европы, капитана сборной и ЦСКА Вячеслава Фетисова. Говорят, один в поле не воин. Но в том-то и дело, что без Фетисова защита уже совсем не та. Воин, да еще какой! Затем — новый удар в игре с чехословацкой «Дуклой» серьезно пострадал Дроздецкий — лучший снайпер Олимпиады-84, хоккеист, которого тренеры особенно ценят за острые, нестандартные решения, постоянную заряженность на гол. В армейском клубе он самый полезный игрок.

Но и это еще не все. В первом же матче за океаном травмировали Тюменева — связующего игрока спартаковского звена, кстати, забегая вперед, скажу, что без него спартаковцы так и не смогли наладить свою игру.

Не полностью восстановились после травм Кожевников и Скворцов. Волновались, конечно, и за вратарей, которым впервые предстояло держать такой серьезный экзамен.

Тренеры пошли на комплектование звеньев по клубному принципу. Первая тройка — армейская — это отточенное мастерство, безупречная техника, можно сказать, академизм во всем. Вторая — из Горького — великие труженики, бойцы. Динамовское звено отличалось молодым задором. Про опытных спартаковцев я уже сказал…

Трудно пришлось ребятам. Вспомните, у шведов и американцев они выиграли с минимальным преимуществом (3:2 и 2:1). Тренеры всех команд после турнира утверждали, что свои лучшие встречи они провели с советскими хоккеистами. В матче со сборной США нашу команду по меньшей мере дважды спасал от верных голов Владимир Мышкин. Он и в последней, роковой игре действовал отлично, его не смущали яростные попытки хозяев смять нашу защиту. Возможно, мне возразят: ну а третий гол — как же он клюшку тогда, в самый неподходящий момент, выронил? Не выронил. Это Босси в сутолоке, вырвал клюшку у Мышкина, а вратарь без клюшки — все равно что голый. Мышкин присел, чтобы хоть низ ворот прикрыть. Шайба же верхом пошла…

Но я забежал вперед. Сначала-то наши у канадцев убедительно выиграли — 6:3! В первые минуты той встречи

хозяева попытались воспользоваться запрещенным оружием — устрашением, запугиванием. При явном попустительстве судьи была устроена настоящая охота на Ковина. Он получил такой удар клюшкой в лицо, что ему затем наложили 25 швов. Помогло это им? Напротив! Надо знать наших. Они только раззадорились. Ах так? Пеняйте на себя. Они загнали канадцев в угол. Ковин, к концу матча вернувшись из госпиталя, тоже рвался на лед.

Вполне удачным тогда оказался дебют и другого нашего вратаря — Александра Тыжных.

Мне показалось, что на полуфинальный поединок канадцы вышли посвежее. Разумеется, они понимали, что им не простят поражения, что финал Кубка Канады без команды Канады — это в Канаде расценят как национальное бедствие. Все мы видели тот матч. 2:2 в основное время… Был момент, когда исход встречи мог решить Ларионов, который один на один вышел с вратарем, но попал в штангу. Канадцы играли на этот раз в более коллективной манере, чем обычно, — явно наше влияние. Хороши они были при добивании. Как только лед не плавился у ворот, когда они всей командой наваливались на Мышкина…

Проиграли… Но, повторяю, это тот случай, когда поражение не означает слабость.

Вместе мы — сила

Я проснулся за несколько минут до того, как обещал позвонить врач команды. В номере было светло и прохладно. Сквозь закрытое окно почти не доносился уличный шум. Как обычно, после хорошего отдыха я ощущал в себе свежесть, а каждая клеточка тела была наполнена силой. Я снова закрыл глаза и вдруг все вспомнил. И сразу сна как не бывало. Даже сердце застучало сильнее. Я знал, что думать сейчас об этом не следует, что надо бы поберечь нервы, но ничего не мог с собой поделать. Да и в соседних комнатах — я был уверен — никто из моих товарищей сейчас не спал.

Что же случилось? Какое такое событие вывело из равновесия два десятка парней, о которых говорят, что нервы у них из стальной проволоки?

Перед последним матчем мирового первенства 1983 года в Мюнхене произошло то, о чем давно мечтали некоторые руководители Международной хоккейной лиги, давшие жизнь новой формуле розыгрыша чемпионата. Напомню суть этой формулы: сильнейшая четверка должна в однокруговом финальном турнире вести спор за «золото», причем очки, добытые командами ранее, теперь не учитывают. Зачем это было придумано? А вот зачем: они хотели подставить подножку советской сборной. Те, кому надоели наши победы, надеялись на то, что в финале кто-нибудь из соперников сумеет отвоевать у нас хотя бы одно очко, и тогда…

Так и произошло. Команда ЧССР, потерявшая в предварительном турнире пять очков, в финале все силы бросила против нас и… 1:1. Та самая ничья, которая для нас грозит обернуться поражением.

Дома, в Москве, болельщики у меня будут спрашивать, мог ли я в матче с ЧССР взять ту единственную шайбу? Шайбу, которая для чехословацких хоккеистов, возможно, окажется «золотой»? Нет, не мог! Это было свыше моих сил. Потому что шайба, брошенная Хрдиной, задела нашего защитника и уже от него отлетела в ворота. Такие ни один вратарь взять не в состоянии, это вне возможностей человеческой реакции. Болельщики, конечно, спросят и о том, что помешало нам выиграть тот матч? Наверное, кое-кто подумает, что мы недооценили соперников, убаюканные крупной победой над ними, одержанной несколькими днями раньше. Это не так.

В финале мы скорее переоценили сборную ЧССР. Ведь успех в матче с ней досрочно делал нас чемпионами мира. Мы

перестарались.

И вот теперь… В эти минуты чехословацкая команда выходит на лед против шведов. Затем матчем с канадцами мы завершим мировое первенство. Вся штука в том, что шведам безразлично, как кончится их последняя встреча: они выше четвертого места уже не поднимутся. Они могут поставить в ворота второго вратаря, могут вывести слабый состав, могут откровенно «отдать» игру — для них результат не имеет никакого значения. А вот их соперники, напротив, заинтересованы в наиболее крупном счете, потому что судьбу «золота» наверняка решит соотношение шайб. Победят чехословацкие хоккеисты со счетом 10:0, и тогда нам придется выигрывать у канадцев с перевесом не менее чем в шесть шайб. Легко сказать…

Вот такая арифметика.

Наша судьба оказалась сейчас в руках других команд.

…Я еще раз помянул недобрым словом формулу чемпионата и ее изобретателей. Зазвонил телефон.

— Владислав, вставай, — это наш врач Борис Сапроненков. — Спускайся вниз на прогулку.

— Хорошо. Иду.

В холле отеля — телевизор. Почти не останавливаясь, проходим мимо. Матч уже начался, но болельщиками нам сейчас быть не следует: зачем зря сжигать нервную энергию?

— Пока 0:0, — говорит Борис.

0:0 — это хорошо. Интересно, сколько все-таки пропустят шведы?

Странно, но на этом чемпионате отношения у нас с ними как-то не сложились. Да и оба матча со шведами тоже не удались — они были какими-то драчливыми, некорректными. Много удалений с обеих сторон. Много травм. Несколько раз игроки обеих команд оставались на льду втроем. Ребята опасаются, что шведы в отместку за два поражения без боя «отдадут» сегодняшний матч.

…Вот так — дышим, гуляем, а мыслями на льду «Олимпия-халле». Через 30 минут возвращаемся в отель. Что за чудеса: первый период закончился со счетом 0:1 Вот так шведы! Молодцы! Настроение у всех сразу стало другим.

Пошли пить чай. Через некоторое время Борис появляется. Ну и вид у него — лицо белое-белое. Следом тренеры идут — смотреть на них больно. Что такое? Все с мест повскакивали. «Шведы проигрывают — 0:4. Похоже, в первом периоде они для вида посопротивлялись, а теперь «сплавляют» игру».

Немая сцена. Ну просто мертвая тишина. И про чай забыли, и про кофе. 0:4. Если и дальше так пойдет, то… Сбывались наши

самые худшие опасения. Молча сели в автобус. Поехали в «Олимпия-халле».

Странно, думал я, странно, что мы ничего не можем сделать. Было такое ощущение, будто нас обворовывают.

Мы пришли в свою раздевалку на 12-й минуте третьего периода. На трибуну никто не поднялся — сил не было на это смотреть. Сидим, ждем. Вдруг Слава Фетисов вскакивает:

— Да что это вы? Что носы повесили? Сколько потребуется, столько и забьем канадцам! Ведь верно? Надо пять — забьем пять, надо десять — будет и десять.

Тихонов — он ходил по раздевалке, как маятник, туда-сюда — остановился возле Фетисова, обнял его:

— Правильно, Слава. Поднимай народ.

Оцепенение прошло. Действительно, зачем мы раньше времени себя хороним? Канадцы — крепкий орешек, но ведь чему нас всегда учили тренеры? Тому, что для настоящего спортсмена нет ничего невозможного!

Канадские хоккеисты — великолепные мастера, почти каждый из них — «звезда». Но, собранные из разных клубов, не приученные играть за сборную, они уступают нам в таких важных компонентах игры, как коллективизм, чувство локтя, помноженные на страсть к победе.

«Давай, Фетисов! Поднимай дух, капитан! Мы не подведем!»

А вот и период закончился. Какой там счет? Что за чудеса! Шведы на удивление упорно сопротивлялись своим соперникам. 1:4! Результат — желаннее и представить нельзя. Хоккеисты «Тре крунур» отыграли честно. Уже потом я узнал, что в третьем периоде вратарь Линдберг трижды оказывался один на один с нападающими соперников и все три дуэли выиграл.

Что творится в нашей раздевалке! Настроение такое, будто мы уже стали чемпионами мира. Никто и не думает о том, что еще надо канадцев обыграть.

Шведы идут мимо нас, вымотанные, синие. Линдберг, вратарь, мне говорит: «Я сделал больше, чем мог. Теперь удачи тебе…» Мышкин, счастливый, хлоп его по плечу: «Встретимся вечером в баре». А швед даже не улыбнулся, так ему худо было.

Потом… Мы победили канадцев со счетом 8:2. И вот — счастливый миг: звучит наш Гимн.

Еще один поединок остался позади. Хорошо ощущать себя победителем. Но втройне хорошо, если победу ты ковал не в одиночку, а рядом с товарищами. Когда все мы единомышленники, когда мы сильны не только умением крепко держаться на коньках, но и настоящей мужской дружбой, тогда перед нами не устоит никто.

Мечтал о небе

Первое интервью я дал в 12 лет. Помню, мы, армейская команда мальчишек, встречались со своими сверстниками из Чехословакии. После игры ко мне подошел корреспондент:

— Кем ты хочешь быть, Владик?

— Военным летчиком, — с ходу выпалил я.

Вопрос этот у нас в семье был решенным едва ли не со дня моего рождения. Отец, кадровый офицер, служил в ВВС. Научившись ходить, я задирал голову вслед каждому пролетавшему самолету.

Да, только летчиком и только военным!

Подозреваю, что отец незаметно (может быть, даже для самого себя) подогревал эту мою мечту, подталкивал меня ближе к небу. Во всяком случае, воспитывал он нас с братом по-военному взыскательно и строго. Главное — с малолетства приучал к труду. Жили мы тогда в Подмосковье. И вот спозаранку отец играет «Подъем», проводит зарядку, распределяет обязанности по хозяйству: полить, вскопать, окучить, натаскать воды, наколоть дров… Причем без всяких скидок на возраст трудиться мы были обязаны только качественно, на совесть. Тогда мы, случалось, обижались на отца, глядя, как другие мальчишки дни напролет купаются да гоняют мяч, зато потом, став взрослыми, в полной мере оценили родительскую педагогику. По сути дела, отец подвел меня к будущей беспощадной работе с А. В. Тарасовым, чья требовательность, как известно, вообще не знала границ.

Но, впрочем, хоккей вначале появился в моей жизни как очередное увлечение в ряду других — лыж, прыжков в воду, гимнастики, плавания, футбола… Я стал заниматься хоккеем, чтобы, повзрослев и окрепнув, выучиться на летчика. Мы с отцом уже и авиационное училище тогда приглядели. Кто же знал, что в хоккее я задержусь на целых двадцать лет…

Уже совсем не мальчиком был, а все оглядывался на военных с голубыми петлицами.

Отец долго не принимал всерьез мое новое увлечение. Хоккей, как, впрочем, и футбол, был ему тогда глубоко безразличен. В те годы, если по телевизору транслировали какой-нибудь матч, отец демонстративно уходил в другую комнату.

— Подумаешь, вратарь, — шутливо поддразнивал он меня. — Что от тебя толку — стоишь с помелом в воротах.

Лишь годы спустя, после того как я стал чемпионом Советского Союза, мира, Олимпийских игр, отец изменил свои

взгляды. И сегодня он знает хоккей, что называется, вдоль и поперек. Его бывшие сослуживцы, встречаясь с ним, не могут поверить: «Дмитрия, неужели ты стал болельщиком?»

Но это — к слову. А возвращаясь к своей высокой детской мечте, скажу, что судьба подарила мне в друзья много людей с голубыми петлицами. Несколько лет после свадьбы мы с Таней жили у ее родителей в подмосковном Монине, где находится Военно-воздушная академия имени Ю. А. Гагарина. Отец моей жены Евгений Анатольевич Митяков — специалист по авиационной метеорологии, полковник, кандидат наук.

И еще. Когда сейчас я размышляю обо всем этом, то точно знаю: если бы не хоккей, я бы непременно стал летчиком.

В жизни часто случается так, что не ты выбираешь, а выбирают тебя. Вроде бы еще вчера я был мальчиком с длинной цыплячьей шеей, играл на льду «просто так», для удовольствия, а не успел оглянуться — уже во взрослой команде, рядом с великими игроками 60-х годов, рядом с Тарасовым, и на тебя смотрят миллионы болельщиков, ждут от тебя чудес. Сердце замирает, будто стоишь на краю высокого обрыва. Предстоящая жизнь кажется бесконечно длинной и таинственной. Все еще впереди…

В последнее время я все чаще задумываюсь над тем, что предопределило мой жизненный маршрут! Ведь ничто не появляется на пустом месте, у всего есть какие-то корни, истоки, основа. Особую роль в моем становлении сыграл А. В. Тарасов, и ниже я еще вернусь к этому. Теперь же хочу сказать о том, что я всегда старался учиться у окружающих людей, извлекать для себя уроки из каждого прожитого дня. Я не переставал учиться и тогда, когда стал первым вратарем сборной, и тогда, когда завоевал все существующие в хоккее титулы и награды. Правду сказать, мне в этом смысле очень везло: вокруг всегда были люди яркие, выдающиеся — у них есть что позаимствовать...

Помню, один из первых наглядных уроков мне преподал Виктор Коноваленко — основной вратарь сборной СССР 60-х годов. Виктор семь раз становился чемпионом мира, дважды — олимпийским чемпионом. Авторитет имел огромный. И теперь представьте себе: однажды ему говорят, что дублером у него будет 16-летний мальчишка. И он видит этого мальчишку — не очень складного, щупловатого. Коноваленко при первой встрече оглядел меня с ног до головы, потом как равному пожал руку и произнес: «Ну-ну, не робей». Больше, по-моему, он, тогда ничего мне не сказал. Да это и не удивительно: Виктор был чрезвычайно неразговорчив.

О его скромности ходили легенды, он никогда и ничего не

просил, ни на что не жаловался, старался всегда и везде быть незаметным.

Едва познакомившись со мной, Коноваленко стал терпеливо раскрывать секреты вратарского искусства. Прославленный ветеран заботливо поднимал на ноги безусого мальчишку. А ведь к самому Виктору судьба не была столь благосклонной. В 14 лет, чтобы помочь семье, он пошел работать на Горьковский автомобильный завод. Играл в футбол в детской команде «Торпедо». Потом записался в заводскую хоккейную секцию, стал вратарем. И хотя впоследствии с ним занимались известные тренеры, Виктору, особенно на первых порах, до многого приходилось доходить своим умом. Были у него и неудачи, порой тяжелые, наступали времена, когда в него переставали верить…

Коренастый, плотный, неповоротливый с виду, Виктор мгновенно преображался, стоило ему встать в ворота. Флегматичность уступала место молниеносной реакции, храбрости. У него была прекрасная интуиция, и никогда его не покидало хладнокровие — вот что особенно важно.

Не помню, чтобы ребята в нашей сборной кого-нибудь уважали больше, чем Коноваленко. Его уважали за верность родному клубу (Виктор всю жизнь играл за команду «Торпедо» из Горького, хотя не раз получал более интересные предложения). Его уважали за справедливость, за преданность хоккею, за мужество и стойкость.

В 1970 году я впервые участвовал во взрослом мировом чемпионате, который проходил в Стокгольме. Основным вратарем был Коноваленко. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего стража ворот. Особенно запомнился один эпизод из матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом 1:2, когда какой-то шведский хоккеист прорвался к нашим воротам, но слишком далеко отпустил шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. А швед, не в силах погасить скорость, мчится вперед. Его конек врезается в лицо вратарю. Коноваленко увезли в больницу, а в ворота встал я и пропустил две довольно легкие шайбы. Видно, очень сильно волновался. Мы уступили в том матче со счетом 2:4.

На следующий день все газеты писали, что русский голкипер должен надолго забыть о хоккее. «Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, а кроме того, он получил тяжелую травму головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели». Когда обыватель переваривал всю эту информацию, Виктор… преспокойно тренировался на льду Дворца спорта «Юханесхоф».

Вечером советская сборная вышла на свой очередной матч с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже значилось 10:0 — в нашу пользу. Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: «Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря». Вот такой урок…

Сараево, февраль 1984 года

Минута до матча. Пора. Я надеваю на лицо маску и вслед за товарищами выхожу из раздевалки… По обе стороны узкого коридора, ведущего на лед, стеной стоят люди. Наверное, они сейчас что-то говорят мне, подбадривают, желают удачи. Но я ничего не слышу. Я иду, глядя прямо перед собой, я все окружающее абсолютно не существует для меня… Бессмысленно сейчас пытаться со мной заговорить, даже поздороваться. Не услышу, не отвечу, не замедлю шаг. Я уже весь в игре.

Выработанная годами, моя настройка на борьбу начинается задолго до того, как автобус привозит нас во Дворец спорта. В день матча я думаю только об игре. Ни о чем постороннем, только об игре. Я твержу себе: «Ты обязан не подвести команду. С тебя спрос особый, ты — вратарь, ты — главный человек в команде». Днем я стараюсь уснуть. Нервы должны быть в полном порядке. Я становлюсь молчаливым: не расплескать бы в пустых разговорах весь настрой. Скоро матч. Вместе со всеми выпиваю черный кофе. Окружающее — то, что не относится к предстоящей игре, — окончательно перестает для меня существовать.

Каждый вратарь психологически готовится к матчам по-своему. Виктор Коноваленко мог часами раскладывать пасьянс. Александр Сидельников никаких заметных приготовлений не делал и внешне оставался совершенно невозмутимым. Я слышал, что знаменитый канадский голкипер Гленн Холл с целью привести себя в надлежащее состояние незадолго до матча начинал последними словами ругать хоккей, свою вратарскую долю, соперников, партнеров, зрителей, — словом, все и всех на свете. Так он снимал неизбежное напряжение и на льду появлялся уравновешенным.

Я же обычно замыкаюсь, ухожу в себя. Незадолго до отъезда во Дворец спорта перебираю свою «мысленную картотеку». С кем мы сегодня играем? С канадцами? Так… Что я про них знаю? Под броски выкатываться подальше — это само собой. Не расслабляться до последней минуты. Бросков наверняка будет очень много. Что еще?..

«Спартак» издалека ворота не обстреливает. Рижане постоянно заряжены на гол. И так далее… Я перебираю в голове особенности игры тех форвардов, которые сегодня коршунами налетят на мои ворота, обдумываю свою тактику, даю советы защитникам, мысленно прочерчиваю возможные траектории

шайбы.

Я не суеверен, однако с годами выработался определенный ритуал подготовки к матчу, которого я старался придерживаться строго. Например, облачаюсь в хоккейную амуницию всегда в одной и той же последовательности. Перед самым выходом на лед обязательно вызываю в сознании какие-нибудь положительные эмоции: обычно вспоминаю удачную рыбалку в Вышнем Волочке.

…Итак, пора. Через минуту начнется наш первый олимпийский матч. И хотя соперник — сборная Польши — не из самых грозных, предстартовое волнение еще с утра охватило всю команду. Даже у меня руки предательски затряслись. А про молодых и говорить нечего: бледные лица, отрешенные взоры. Вот что значит — Олимпийские игры. За четыре года, прошедших после Лейк-Плэсида, мы ни разу не уходили со льда побежденными, трижды становились чемпионами мира, выиграли Кубок Канады, традиционные турниры на приз «Известий». Словом, удача сопутствовала нам везде, где мы участвовали. Но то поражение четырехлетней давности тяжелым камнем лежало на наших сердцах. Все ждали Олимпиаду. Ждали, как никто, и готовились к ней, не щадя сил. Тренеры строили подготовительный процесс с небывалой тщательностью. Стремились учесть все возможные обстоятельства, настраивали команду на борьбу с полной отдачей сил. Да, для советского хоккея эта Олимпиада должна была стать особой: или мы вернем потерянное четыре года назад звание чемпионов, или…

Мы не сомневались, что вернем. Никто не сомневался. Но слишком сильное желание победить тоже, случается, не во благо. Оно сковывает, связывает по рукам и ногам, мешает раскрыть все истинные возможности. (Помните, как похожее состояние коварно подвело канадцев в 1981 году на льду «Форума»?)

Да, команда Польши — не самый серьезный соперник. Хотя как посмотреть… В чемпионате мира 1976 года первый матч тоже свел нас с поляками. Некоторые молодые хоккеисты советской сборной вышли на лед с явно «шапкозакидательскими» настроениями. В раздевалке слышались разговоры: «Ну, это пустяки, этих мы запросто обыграем». Меня сначала не поставили в ворота — опять же из тех самых соображений: ожидали легкой победы. А что получилось? Соперники, построив самоотверженную оборону, отбили первый натиск и тут же сами пошли вперед. Наши ребята не успели опомниться, как четыре шайбы влетели в ворота сборной СССР. Хозяева льда (чемпионат проходил в Катовицах) не просто умело, я бы сказал, замечательно играли на контратаках. Они провели в наступлении

не более восьми минут из шестидесяти. Формально преимуществом — причем подавляющим — владели мы, а шайбы забивали наши соперники. Так поучительно начался тот очень неудачный для нас турнир.

…Ну нет, теперь мы не повторим этой ошибки.

Я занял свое привычное место в воротах, осмотрелся, и, как обычно, нервы сразу пришли в порядок. Главное — начать.

Начали мы вполне прилично. Все первые матчи в Сараеве прошли без осечек.

Два слова об общей атмосфере на этой Олимпиаде. Хочу отдать должное хозяевам Игр, которые очень хорошо подготовились к встрече гостей со всего света. Все было продумано до мелочей — и в организации быта олимпийцев, и в проведении состязаний. В Сараеве царил дух праздника мира, дружбы, взаимопонимания, доброй воли. Именно такими и должны быть Олимпиады. По-моему, все без исключения остались довольны гостеприимством югославов.

Вновь, как и восемь лет назад в Инсбруке, я был знаменосцем советской олимпийской делегации. Возможно, мне эту честь оказали потому, что больше никто из советских спортсменов, включенных в сборную-84, не участвовал в четырех Играх подряд, а может быть, это имело под собой и чисто психологическую цель: показать остальным хоккеистам, как надеются на их победу. Да, медаль, в отличие от лыжников, конькобежцев, фигуристов, мы приносили только одну, но цена ей у болельщиков очень высока. Какова эта цена? Словесным эквивалентом ее выразить невозможно…

На хоккейном турнире в одну подгруппу со сборной СССР вошли команды Польши, Италии, Югославии, ФРГ, Швеции. Во второй подгруппе были сборные ЧССР, США, Финляндии, Канады, Австрии, Норвегии. Узнав составы подгрупп, мы дружно решили, что чехословацким хоккеистам повезло больше, так как им достались соперники посильнее и, значит, они будут с каждой игрой наращивать свой потенциал.

В нашей сборной десять игроков впервые попали в атмосферу Олимпиады. Девять были серебряными призерами Лейк-Плэсида. Только я один из всего состава испытал до этого счастье олимпийских побед (в Саппоро и Инсбруке).

Как я уже сказал, старт турнира не доставил нам никаких огорчений, но Тихонов был недоволен: он считал, что мало забиваем. Дело, видимо, в том, что хоккеисты подсознательно сберегали силы для решающих испытаний. Олимпийская дистанция длинная, играть здесь приходится через день, надо быть расчетливым.

Мы гадали: придется ли нам в Сараеве играть с американцами или же турнирная судьба распорядится по-другому? Мы знали о том, что олимпийская сборная США образца 1984 года очень ответственно подошла к подготовке: она сыграла около 80 матчей, в том числе с «Крылышками» и второй сборной СССР. Видеозапись этих встреч мы изучали особенно тщательно, обратив внимание на то, что американцы играют в европейском стиле, у них хорошо поставлен пас, розыгрыш шайбы. Перед отъездом в Сараево я разговаривал с Тыжных, который выступал за вторую сборную. Саша был высокого мнения об олимпийских чемпионах:

— Технично они оснащены очень здорово. Команда с характером. Но я не сомневаюсь в том, что вы у них выиграете.

В Сараеве американские туристы заранее раскупили билеты на финал, убежденные в том, что повторится ситуация четырехлетней давности, что это будет их финал. Шума вокруг сборной США перед Олимпиадой и в первые дни турнира было более чем достаточно. Причем этому немало способствовали сами заокеанские хоккеисты, направо и налево давая смелые интервью.

Раз так, решили мы, значит, американцы не очень-то уверены в своих силах. По-настоящему сильные никогда не станут хвастаться.

Перед своим первым матчем — с канадцами — чемпионы предприняли психологическую атаку на соперника, обвинив «Кленовые листья» в том, что за них якобы выступают два бывших профессионала. Янки добились своего: этим игрокам запретили участвовать в Олимпиаде, но зато канадцев это привело в неописуемую ярость. Они поклялись «растерзать выскочек» и сдержали свое слово. Счет матча — 4:2 в пользу Канады. Затем американцы вышли на лед против хоккеистов ЧССР, хорошо запомнивших крупное поражение, которое они потерпели от сборной США в Лейк-Плэсиде. Эту встречу признали одной из лучших на олимпийском турнире. Американцам отступать было некуда, но и соперник силен. Мне показалось, что по физическим кондициям обе команды были примерно равны, однако чехословацкие хоккеисты превосходили американцев в технике. Звено Руснака, по существу, одно обыграло олимпийских чемпионов, забив четыре шайбы.

Для сборной США Олимпиада закончилась матчем с норвежцами. 3:3! Настоящий конфуз. В припадке безумного разочарования теперь уже экс-чемпионы вдребезги разбили о лед свои клюшки, а в раздевалке принялись за мебель, искрошив ее в щепки.

Вот уж что-что, а это понять — свыше моих сил. Проигрывать

надо достойно.

…На Олимпиаде представители всех других видов спорта уже отсоревновались, получили свою долю наград и огорчений, отпраздновали и отплакали. Только мы, хоккеисты, все еще пока не могли позволить себе думать ни о чем другом, кроме победы. Последний, решающий матч должен был состояться незадолго до прощания с олимпийским огнем. Как это уже бывало неоднократно, главный матч свел нас со старыми знакомыми — хоккеистами Чехословакии.

Чехословацкая сборная болезненнее, чем мы, перенесла процесс смены поколений. Великие игроки 70-х годов будто унесли вместе с собой что-то очень важное из характера команды. Я отчетливо видел, что молодых чехословацких хоккеистов не устраивает «серебро», которое мы неизменно оставляли им в последние годы. Но видел я и другое: психологически они пока не готовы выигрывать у нас. Кажется, не хватает им стопроцентной веры в себя.

В последний день Олимпиады мы вышли на лед, зная, что наша золотая медаль — если удастся ее завоевать — перевесит чашу весов неофициальной общекомандной победы в пользу сборной СССР. Надо было постараться.

Тихонов дал общую установку на матч. А затем отозвал меня в сторону:

— Боюсь перенастроить ребят, Владик. Собери сам команду, поговори по душам, без высоких слов.

Тренеры волновались не меньше нашего. И Тихонов, и Юрзинов оба осунулись, почернели. Матч, который нам предстояло сыграть, подводил итог их напряженному четырехлетнему труду. Правильным курсом они шли или ошибались?

Наши тренеры — люди чрезвычайно ответственные. Сказать, что Виктор Васильевич живет хоккеем, значит ничего не сказать. Он фанатично предан игре и, по-моему, даже во сне ищет путь к победам. Твердо знаю, что никто острее Тихонова не переживает в ходе матчей.

И вот мы собрались без тренеров. На правах самого старшего и опытного я взял слово:

— Ребята, мы шли к этому дню четыре года. Сегодня на Родине миллионы людей соберутся у телевизоров. Вся Олимпиада была интересной, но вы знаете, как ждут именно нашей, хоккейной победы. Я вижу, что многие дебютанты очень волнуются. Но пусть вас это не смущает. Для меня эта Олимпиада четвертая по счету, а волнуюсь, как в первый раз. Важно, чтобы мы помогали друг другу, быстро исправляли ошибки, если они

появятся.

Я всматривался в знакомые лица, думая о том, как же трудно пришлось парням в минувшие дни и еще труднее будет сегодня. На многих из них Олимпиада уже оставила свои отметины в виде шрамов и синяков. С тяжелыми травмами заканчивали турнир Макаров, Ларионов, Тюменев. Врач нашей сборной сбился с ног, восстанавливая боеспособность команды. Кстати, несколько дней спустя Борис Сапроненков в интервью скажет: «Когда-то мне довелось работать с лыжниками. Уж в чем, а в терпении им не откажешь. Но у хоккеистов терпение особого свойства. Это терпение к боли, к травмам. Иному игроку наложишь в перерыве несколько швов, и он как ни в чем не бывало вновь выходит на лед. Вот такие они — наши ребята. На тривиальные синяки и шишки они просто не обращают внимания. Считается, если их не получил, значит, играл не в полную силу»...

Доктор в подтверждение своих слов мог бы привести немало выразительных примеров. Ну, например, вспомнить решающий матч мирового первенства 1978 года в Праге, когда мы встречались с хозяевами льда. Тот турнир измотал всех нас основательно, а по ходу самого важного поединка в команде почти не осталось игроков. С высокой температурой рвался на лед Капустин, во время матча выбыли из строй Мальцев, Лутченко. Сердечный приступ свалил прямо на скамье Валеру Васильева. Врач метался от одного к другому. Я никогда не смотрю на табло во время игры, не считаю оставшегося времени, а вот тогда, каюсь, не выдержал, поднял голову — оставалось продержаться пятнадцать секунд. Только пятнадцать… Это были самые длинные секунды в моей жизни. Я считал про себя: «…три, две, одна». Когда прозвучала сирена, я на мгновение «выключился» — что-то бессвязное кричал кому-то, и мне что-то кричали.

А на скамейке, не стыдясь, плакал Тихонов.

И вот опять ситуация повторяется: снова судьбу золотых наград, теперь уже олимпийских, решит встреча СССР — Чехословакия. И я всматриваюсь в лица своих молодых товарищей.

От того состава сборной, который победил в Праге, почти никого не осталось. Но тот дух жив в нашей команде. Нам по-прежнему не надо никакого другого места, кроме первого.

После нашего собрания нашлись спортивные руководители, которые тоже изъявили желание побеседовать с командой и с каждым игроком в отдельности. Так сказать, для поднятия морального духа, но это была бы уже «накачка», а она ничего

хорошего не сулит. Тихонов проявил твердость, не допустив более никаких призывов и уговоров. Как опытный психолог (а хороший тренер обязательно должен быть психологом), он по нашим лицам угадал стопроцентную внутреннюю сосредоточенность каждого игрока, настрой на полную самоотдачу. «Накачка» могла вызвать раздражение, а у молодых хоккеистов — скованность. Тарасов, помню, в таких случаях не подпускал к команде никого из посторонних, какие бы высокие чины они не имели. Точно так же поступил и Тихонов.

Не стану подробно останавливаться на матче — он еще у всех в памяти. 2:0 — таков счет нашей победы. Зрелищно это была не самая интересная встреча, однако по внутреннему напряжению поединок безусловно выдающийся. В первом периоде вратарь Шиндл стоял хорошо, но все же не уберег свои ворота после снайперского броска Кожевникова, который, кстати, был включен в олимпийскую сборную в последний момент. Во втором периоде удачным оказался кистевой бросок Крутова в дальний угол. Две ошибки защиты — два гола. А наша оборона в тот день действовала безошибочно.

До игры думали: ну порадуемся, если победим. И вот она — победа! Мы вернули Родине звание олимпийских чемпионов. Ликуют на трибунах болельщики. И нам бы радоваться. Но нет, для радости не осталось никаких сил — ни-ка-ких! Все отдано там, на льду олимпийского катка.

Только когда закончилась церемония награждения и мы оказались в автобусе, Фетисов встал: «Ура!»

И грянули мы во весь голос песню «День Победы».

Уходя, остаюсь

Весной 84-го я твердо решил покинуть лед. Почему? Ведь внешне все было так хорошо… Мы уверенно выиграли Олимпиаду в Сараеве, взяв реванш за обидную неудачу, случившуюся четыре года назад. Наша армейская команда задолго до финиша чемпионата страны ушла в большой отрыв от соперников, а в итоге, потерпев за весь сезон только одно поражение, опередила спартаковцев на 28(!) очков. Меня никто не мог в чем-то упрекнуть: сезон прошел вполне благополучно.

Но я знал, что ухожу, и тренеры тоже это знали. Однако по какому-то негласному уговору темы этой мы не касались, и до самой финишной ленточки я играл почти во всех матчах — и за клуб, и за сборную.

Да, все было как обычно. Я выходил на лед и защищал ворота, как привык это делать за пятнадцать минувших лет. И два раза в день добросовестно изнурял себя на тренировках. И жил в своей комнате на нашей армейской базе в Архангельском, как и другие строго выполняя все требования незыблемого распорядка дня: подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, снова занятия, ужин, свободное время, отбой. Но смотрел я на эту свою жизнь уже иначе, чем прежде. Я понимал, что ничего этого скоро уже не будет, и потому каждый прожитый день имел особую цену.

Когда-то, очень-очень давно, почти мальчишкой, я провожал Локтева, Александрова, потом Фирсова, Рагулина, Мишакова… Тогда мне казалось, что сам я буду играть вечно. Ветераны в моем представлении были пришельцами из другой эпохи. Брежнева я называл «дядя Володя»… А теперь незаметно сам стал ветераном. Самым старшим по возрасту в ЦСКА, и уже ко мне новички обращаются на «вы».

Да, пора. Все уже было — разного достоинства победы, награды, поездки, приемы, встречи. И неудачи случались, и травмы, и боль испытал — такую, что никому бы не пожелал. Все было. Но прежде у мне никогда не хотелось расставаться с хоккеем — я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы надежно стоять в воротах, с кем бы мы ни играли — с канадскими профессионалами или с командой второй лиги. Однако силы не беспредельны. Мастерство осталось, и реакция моя не стала менее острой. А вот нервы поизносились. По ночам я, случалось, долго не мог заснуть, шел к доктору за каким-нибудь снадобьем. Все труднее давалась настройка на матч. На льду, стоило кому-то из соперников сыграть против меня излишне жестко, я с величайшим трудом сдерживал невесть откуда поднимавшийся

гнев. «Уйди от греха», — говорил обидчику, а тот смотрел с удивлением: за многие годы все привыкли к тому, что характер у меня покладистый.

Я очень устал. Пятнадцать лет в ЦСКА и в сборной. Без замен. Дублеры приходили и уходили. Три поколения полевых игроков сменилось. Четыре Олимпиады. Все ответственные матчи с профессионалами. Все чемпионаты мира. Все призы «Известий».

Сейчас можно признаться: мне было очень тяжко 15 лет оставаться первым вратарем. Очень! Это такой груз… Однажды меня спросили: ну а если бы все сначала — пошел бы снова в эту шахту? Все сначала… Не знаю. Я не жалею об оставшихся за спиной годах — они были прекрасны, об этом можно только мечтать. Но все сначала? Нет, даже холодок по коже пошел, когда я представил себе…

Бывает, с кем-нибудь говоришь о прошлом и вдруг тебя пронзает: неужели ты прошел через все это? Даже не верится.

Я не жалуюсь, я сам этого хотел. Это была моя жизнь, но… В последнее время в перерывах между периодами с трудом доплетался до раздевалки: кружилась голова, ноги становились ватными. Вы этого не видели. Вы видели, как я отбивал шайбы. Так и должно быть — ведь мы играем не для себя, а для вас.

Двенадцать лет назад легендарный канадский «укротитель шайб» Жак Плант подарил мне свою книгу «Школа вратаря», в которой он, как мне тогда казалось, излишне много места уделил психологическим перегрузкам, выпадающим на долю хоккейного голкипера. «Напряжение — вот имя игре вратаря, — писал Плант. — Даже наши товарищи по команде не догадываются о том, что выпадает на долю человека, отважившегося встать в ворота». Плант называл нескольких голкиперов из НХЛ, которых постоянные нервные перегрузки привели к инфаркту или язвенной болезни. Он рассказывал о своем знаменитом предшественнике Гленне Холле, чья нервная система была настолько истощена, что часто он не мог сдержать тошноты и остаться на льду до конца игры. Тогда я не придал этому особого значения, подумал, что Жак Плант сгущает краски. Теперь понимаю, как он был прав.

Я прощался со старым парком в Архангельском, с нашей базой, ставшей для меня вторым домом. Ровно шестнадцать лет назад я впервые с робостью переступил порог деревянного одноэтажного павильона, где жили тогда армейские хоккеисты (сейчас там клуб и администрация военного санатория). Меня поселили в одной комнате с Лутченко и Толстиковым. Видимо, из-за длинной шеи и тонкого голоса тут же нарекли «птенцом». Мама попросила присматривать за мной официантку Нину

Александровну Бакунину, и та всегда подкладывала мне, «мальчонке», самые лакомые кусочки.

Тогда все это было как сон. Я, юнец, рядом с прославленными на весь мир хоккеистами. Помню, Рагулин, которого называли не иначе, как Александр Павлович, жил вместе с Кузькиным, и я, будучи дежурным, долго робел заходить в их комнату. А уж про Тарасова и говорить нечего — просто не смел попадаться ему на глаза. Тарасова, правду сказать, даже и ветераны крепко побаивались. По комнатам базы Анатолий Владимирович никогда сам не ходил-поручал это своему помощнику Борису Павловичу Кулагину. А уж если замечал какой-нибудь беспорядок, то пощады от него ждать не приходилось.

Мне его требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю это сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью — сделать советский хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики.

Помню, получив однажды новые щитки, сидел и прошивал их толстой сапожной ниткой. За этим занятием застал меня Анатолий Владимирович.

— Что, хочешь играть?

— Хочу, — вытянулся я перед ним.

— Вот и хорошо. Завтра в щитках на зарядку явишься.

Утром шел дождь. Все рты разинули, увидев, что я вышел на пробежку в кедах и в щитках. А объяснялось все просто: тренер хотел, чтобы я быстрее размял жесткую кожу щитков, подготовил их к бою.

Все знали, что, когда Тарасов обращается к хоккеисту на «вы», ничего хорошего это не предвещает. Осенью 69-го после календарной игры всесоюзного чемпионата — первого в моей биографии — он как-то говорит:

— Зайдите ко мне, молодой человек.

Я испугался. Вроде бы никаких грехов за собой не знал, но…

— Вы догадываетесь, почему я вас пригласил?

— Нет.

— Тогда идите и подумайте.

В смятении я закрыл за собой дверь, а через час снова зовут меня пред грозные очи.

— Ну что? Подумали?

В полном недоумении пожимаю плечами.

— Ладно, — вдруг сменил гнев на милость Тарасов. — Бери стул и садись. Да не бойся, ближе садись. Ты же вчера под правую ногу две шайбы пропустил, бедовая твоя голова. Почему? Ну-ка давай разберемся.

Я постепенно обретал присутствие духа. Тарасов требовал думать, он хотел, чтобы я научился анализировать каждый свой промах, каждую ошибку.

— Владька, а что если ты станешь крабом? Понимаешь меня? Сто рук и сто ног! Вот так! — Он выходил на середину комнаты и изображал, каким, по его мнению, должен быть вратарь-краб. Я подхватывал идею. Так мы работали. Не было ни одной тренировки (ни одной!), чтобы Тарасов не явился к нам без новых идей. Он удивлял каждый день. Вчера — новым упражнением, сегодня — оригинальной мыслью, завтра — ошеломлял соперников невиданной комбинацией.

— Ты думаешь, играть в хоккей сложно? — спросил меня Тарасов в самом начале нашей совместной работы.

— Конечно, — ответил я. — Особенно, если играть хорошо.

— Ошибаешься! Запомни: играть легко. Тренироваться тяжко! Сможешь 1350 часов в год тренироваться? — тут он повысил голос. — Сможешь тренироваться через «не могу», чтобы тебя поташнивало от нагрузки? Сможешь — тогда добьешься чего-нибудь!

— 1350?! — не поверил я.

— Да! — сказал, как отрубил, Тарасов.

На занятиях он умел создать такое настроение, что мы шутя одолевали самые чудовищные нагрузки. «Тренироваться взахлеб», — требовал от спортсменов наставник. А о том, какие были нагрузки, вы можете судить по следующему факту: приезжавшие в ЦСКА на стажировку хоккеисты других клубов после двух-трех занятий поспешно собирали чемоданы и, держась за сердце, отбывали домой. «Не по Сеньке шапка», — смеялись мы. Однажды в ЦСКА приехал поднабраться опыта знаменитый шведский хоккеист Сведберг, но и его хватило ненадолго. На третий день после обеда он — синий, как покойник, — стал прощаться.

— Мы, шведы, еще не доросли до таких тренировок, — смущаясь, объяснил гость свой преждевременный отъезд.

Никогда мне не забыть уроков Тарасова. Теперь, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю: он учил нас не хоккею — он учил жизни.

— Валерка! — вдруг озадачивал Анатолий Владимирович юного Харламова в разгар тренировки. — Скажи мне, пожалуйста, когда ты владеешь шайбой, кто является хозяином положения?

— Ну как же, — простодушно отвечал хоккеист, — я и есть хозяин.

— Неправильно! — торжествовал Тарасов. — Ты слуга партнеров. Ты играешь в коллективе и живешь прежде всего интересами товарищей. Выброси в мусорный ящик свое тщеславие. Умей радоваться успехам товарищей. Будь щедр!

Он учил нас стойкости и благородству, учил трудиться, как умел это делать сам. У Анатолия Владимировича было такое выражение: «Идти в спортивную шахту», что, по сути, означало — тренироваться по-тарасовски.

Мы работали не вслепую. Вдохновение было для тренера всего лишь одним из стимулов, а сама работа основывалась на твердых принципах, выработанных Тарасовым за долгие годы. Он хорошо представлял себе, каким должен быть идеальный вратарь. Подолгу рассказывал мне о выдающихся голкиперах прошлого, акцентируя внимание на их достоинствах.

— Впервые я познакомился с вратарем международного класса в 1948 году, — вспоминал Анатолий Владимирович. — Им был чехословацкий хоккеист Богумил Модрый. Незадолго до этого он как раз получил приз лучшего голкипера на мировом первенстве в Санкт-Морице. Наши классные по тем временам вратари были небольшого роста, и, возможно, поэтому бытовало представление — дескать, стражам ворот и положено быть невысокими. А тут вдруг — верзила под два метра, ручищи, как лопаты. Модрый меня заворожил. Я сколько раз встречал его, столько раз обменивался с ним рукопожатием, чтобы получше разглядеть эти невероятных размеров ладони. Парнем он оказался хорошим, доброжелательным, к тому же мог сносно объясняться по-русски. Богумил охотно показал мне свои технические приемы, побывал я на его тренировках, все это было интересно, но, повторяю, больше всего меня поразили его фигура, его руки…

Он особенно не утруждал себя работой, в основном полагаясь на природную одаренность. Все это было естественно и логично… для него, для Модрого, и для того времени. Но мы-то, русские, должны были обогнать и чехов, и шведов, и канадцев — другой задачи перед нами не ставилось, а это значит… Это значит, что для нас такой путь не годился…

С огромным уважением Тарасов рассказывал о первых советских вратарях — Харри Меллупсе из Риги, москвиче Григории Мкртчане, ленинградце Николае Пучкове. У Виктора Коноваленко он рекомендовал учиться абсолютному спокойствию, надежности, мужеству. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: никогда не замахивался ни

на кого клюшкой, не утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет автору гола: «Перехитрил, перехитрил…»

Жак Плант, по словам Тарасова, доказал, что эффективность игры вратаря резко возрастает, если действовать не в воротах, а на больших пространствах. Тренер любил рассказывать, как в 1967 году сборная СССР встречалась с юниорами знаменитой профессиональной команды «Монреаль канадиенс». Раза четыре наши форварды выходили один на один с монреальским вратарем, и какие форварды! Александров, Локтев, Альметов, Майоров!.. Но все их усилия были бесплодны. Потому что ворота юниорской команды защищал Плант. Это по его «вине» наша сборная проиграла тогда со счетом 1:2. После матча юные монреальские хоккеисты унесли Планта на руках.

— Плант — умница, — говорил Тарасов. — Его дальние выходы, безусловно, грозное оружие. Но ведь если завтра соперник попытается сыграть поизобретательнее, скажем, не станет бросать шайбу, а передаст ее подключившемуся партнеру, — что тогда? Плант будет застигнут врасплох? Значит, вратарь должен быть более маневренным, готовым ко всяким неожиданностям. Владеть коньками лучше, чем Плант! Уметь играть в поле наравне с нападающими! Модрый был хорош, но, ей-богу, напрасно чехословацкий голкипер пренебрегал атлетической тренировкой. Мастерство только тогда заблистает в полную силу, когда будет покоиться на прочном атлетическом фундаменте.

Анатолий Владимирович решил, что абсолютно необходимо повысить общую культуру игры вратаря, укрепить его авторитет в команде, выработать у голкипера высокоразвитое чувство интуиции, умение быстро и четко анализировать действия соперников. «Страж ворот должен не на словах, а на деле стать центральной фигурой в команде», — любил повторять Тарасов.

…Однажды тренер озадачил меня вопросом:

— С какой скоростью летит шайба, брошенная, ну, скажем, Фирсовым?

— Сто километров в час, — не очень уверенно ответил я.

— Сто двадцать, — поправил Тарасов. — Но знаешь ли ты, что на шайбу, выстреленную с такой скоростью вблизи ворот, отреагировать невозможно?

— При упорной тренировке…

— Невозможно!

— Но ведь Плант берет такие шайбы…

— И Коноваленко берет. Но тут уже не в их реакции дело.

— Опыт, — догадался я, еще не ведая, куда клонит учитель.

— Это слишком обще — опыт. Думай!

Я, откровенно говоря, был растерян. Что же получается? Зачем совершенствовать свою реакцию, если ее все равно не хватит, чтобы успешно соперничать с лучшими форвардами? Выходит, тренируйся не тренируйся, а в любом случае ты, вратарь, обречен на неудачу… Тарасов, насладившись моим замешательством, сказал:

— Знаешь, что поможет тебе разорвать этот заколдованный круг? Интуиция! Ты должен научиться читать мысли. Да, да! Еще до того как соперник бросит шайбу, ты должен знать, куда будет сделан бросок. Ты должен предугадать, как в следующий момент станет развиваться атака, кому нападающий отдаст пас, когда последует бросок по воротам… Ты должен все знать про нападающих! Все знать про защитников! Знать про хоккей вообще больше любого хоккеиста!

…Если вам порой казалось, что шайбы сами летели в мою ловушку, не заблуждайтесь: я вовсе не фокусник, мне помогал выработанный за долгие годы дар предвидения — то, о чем когда-то говорил Тарасов. Бывало, нападающий еще только замышляет бросок, а моя левая рука уже самопроизвольно идет на перехват шайбы.

Раньше, насколько я знаю, когда команда обсуждала вопросы тактики, когда тренер давал установку на матч, когда вспыхивали какие-то споры, вратари сидели и помалкивали. Их мнением интересовались редко, еще реже с ним считались. Тарасов в конце 60-х годов этот порядок поломал. Я с самого начала стал принимать самое живое участие во всех делах команды. Когда Анатолий Владимирович перед матчем приглашал к себе для беседы поочередно все пятерки, я шел на эти совещания с каждым звеном. Внимательно слушал старших товарищей, не стеснялся высказывать свое мнение, а ребята не забывали поинтересоваться моим. Бывало, нападающие, придумав какой-нибудь новый тактический ход, спрашивают:

— Как ты считаешь — пойдет?

— Хорошо, — отвечал я. — Никакой вратарь этого не разгадает.

Или, напротив, я подвергал идею безжалостной критике, и прославленные ветераны, иным из которых я годился по возрасту в сыновья, уважительно слушали вратаря-мальчишку. Согласитесь, эта деталь ярко характеризует климат в нашей команде.

Я рос, жадно впитывая в себя не только хоккейные премудрости, но — и это важнее всего — постигая суть таких понятий, как коллективизм, взаимовыручка, ответственность перед товарищами, мужество, смелость. С самого начала тренер

приучал меня творчески относиться к своей роли, он хотел, чтобы я работал в первую очередь головой, а уже потом — руками и ногами.

Сейчас мне порой даже не верится, что я мог выдерживать те колоссальные нагрузки, которые обрушивались тогда на мои еще не окрепшие плечи. Три тренировки в день! Какие-то невероятные, новые, специально для меня придуманные упражнения. Ребята говорили с состраданием:

— Ну, Владик, ты своей смертью не умрешь…

На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день — вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день спрашивал: «Что случилось? Ну-ка давай разберемся». Если виноват был я, а вратарь почти всегда «виноват», то неминуемо следовало наказание: все уходили домой, а я делал, скажем, пятьсот выпадов или сто кувырков через голову. Я мог бы их не делать — ведь никто этого не видел. Все тренеры тоже уходили домой, но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову.

Наказание также следовало, если я пропускал шайбы на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой наставник хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как чрезвычайное происшествие.

Тренер постоянно внушал мне, что я еще ничего из себя не представляю, что мои удачи — это удачи всей нашей команды. И тут я безоговорочно верил ему. И думаю сейчас, что если бы было иначе, то ничего путного из меня бы не получилось.

Архангельское… Каждый уголок этого старинного парка мне знаком. Вот здесь, на берегу Москвы-реки, я любил сидеть с удочкой, завороженно наблюдал за поплавком. Плотва, подлещики, а в запруде карпы — рыба тут знатно клевала, без улова не возвращался. Однажды с Колей Адониным удили на живца. И поверите, такой судак у меня с крючка сорвался, что в азарте я сам за ним в реку полетел.

А вот эта горка памятна другим. Здесь Тарасов любил проводить тренировки по атлетизму. Утопая по пояс в снегу, бегали вверх-вниз.

Анатолий Владимирович считал, что чем хуже погода, тем лучше для закалки характера. Однажды в день матча с нашим традиционно трудным соперником московским «Динамо» грянул 30-градусный мороз. Надо на зарядку выходить, а боязно: как бы не простудиться. Столпились мы все в вестибюле, ждем Тарасова,

надеясь на то, что он отменит сегодня зарядку. И вот появляется. Демонстративно никого не замечая, сразу ко мне, самому юному:

— Вы что стоите, молодой человек?

— Так ведь все стоят.

— Какое вам дело до всех! Вы давно должны разминаться с теннисным мячиком.

Как ветром выдуло всю команду из вестибюля.

Что касается теннисного мяча, то Тарасов приучил меня не расставаться с ним никогда. Где бы я ни был, я должен был все время бросать-ловить теннисный мяч. Дело доходило до курьезов: купаемся мы в море во время разгрузочного сбора, а тренер спрашивает:

— А где ваш мяч, молодой человек?

— ?..

— Вы и в воде с мячом должны быть.

Думаете, шутил? Ничего подобного! Пришлось нам с Колей Толстиковым к плавкам специальные кармашки пришивать — для мячей. Кому-то это, возможно, покажется «чересчур». Но как знать: не будь мяча, не будь других тарасовских придумок — сложилась бы моя судьба столь счастливо?

Кстати, историю с мячом наши ребята впоследствии использовали для одной подначки. Дело было так. Мишаков и Фирсов поехали в институт физкультуры сдавать экзамен по анатомии. Преподаватель попался строгий. «Хорошо подготовились?» — спрашивает. Ребята замялись. «Так, друзья, дело не пойдет, — морщится профессор и показывает на скелет: — Вот вам учебное пособие — занимайтесь». «А можно мы его с собой на базу возьмем? — говорит Мишаков. — В свободное время по косточкам все разберем». Загрузили они это «учебное пособие» в машину и привезли в Архангельское. Я в тот момент в кино был. И вот, возвратившись к себе в комнату, вижу на своей кровати груду костей: на череп нахлобучили мою шапочку, а в руки вложили теннисный мяч. Дескать, намек ясен? В гроб вгонят тебя тарасовские нагрузки.

Наверное, это была не самая удачная шутка, но я смеялся вместе со всеми от души. Мишаков у нас считался мастером всяких розыгрышей. С его уходом в нашем доме стало гораздо тише.

…Как странно, многие из сегодняшних новобранцев ЦСКА никогда не видели на льду ни Фирсова, ни Рагулина, ни Мишакова.

Сюда, в Архангельское, любили приезжать популярные артисты, наши верные армейские болельщики. С нами много лет дружат космонавты, писатели, ученые. Перед трудными

поединками армейцев напутствуют ветераны войны, легендарные герои нашей Родины.

Это тоже была часть жизни в Архангельском. И очень важная! После таких встреч хотелось трудиться еще больше. Неверно думать, что именитые гости только лишь расширяли наш кругозор, — нет, это не так. Общение с истинно интересными, яркими личностями всегда духовно обогащает тебя, заставляет внутренне подтягиваться, еще строже относиться к своему делу.

Можно и закончив два университета ничему не научиться. А можно впитывать в себя знания каждый день — общаясь с разными людьми, наблюдая и постигая жизнь.

Но вернусь в своих воспоминаниях на те тропинки знаменитого парка, которые вновь выведут нас к старому деревянному павильону. Там — истоки. Там — все, из чего потом выросла моя биография.

…Прошло некоторое время, и ко мне пристало другое прозвище — «Дзурилла». Наверное, потому, что у меня и у блиставшего тогда чехословацкого вратаря были похожие имена — Владислав, Владо. Я ничего против не имел, моему самолюбию даже льстило, что армейцы хоть и косвенно, но ставят меня рядом с великим голкипером. Первым вратарем ЦСКА тогда был Коля Толстиков, и «Дзурилла» с удовольствием носил не только свою, но и его клюшку. Коля меня многому научил. Ученик же в итоге оказался «неблагодарным»: вытеснил коллегу с первых ролей.

До сих пор у меня осталось какое-то чувство вины перед Колей, перед Лапшенковым, перед Адониным: я невольно загораживал им дорогу наверх. Психологически им было трудно заставить себя работать в полную силу, зная, что Третьяк почти наверняка останется первым вратарем. Хотя, если объективно рассуждать, то какая тут вина? Разве стал бы я мешать, если бы кто-то вдруг заиграл лучше меня?..

Я уже был первым вратарем ЦСКА, а Колину клюшку все равно носил, и никто этому у нас не удивлялся. В армейском коллективе привыкли уважать всех, кто старше.

У меня в клубе и в сборной было много товарищей-вратарей, и о каждом хочется сказать сегодня какие-то добрые слова. Все вы, друзья, меня чему-то учили. Вот, к примеру, Гена Лапшенков. Он (тогда студент географического факультета МГУ) хорошо знал математику, физику, считался эрудитом в других науках. Разговаривать с ним было одно удовольствие.

Обычно все эти годы я жил в одной комнате с кем-то из вратарей. И только в последнее время эта традиция стала нарушаться. Руководство команды старалось поселять меня в гостиницах без соседей. Это вовсе не дань заслугам, как может

показаться. Я никогда не просил для себя никаких привилегий, да и жить вдвоем веселее, чем одному. Но наш доктор решил, что так мне легче настраиваться на матчи. Доктор видел, как сдают мои нервы…

В Архангельском теперь многое изменилось. Живем в трехэтажном кирпичном доме, где есть и сауна, и медицинские кабинеты, и видеомагнитофоны. Но традиции времен Локтева и Фирсова остались, и в этом — одна из причин стабильных успехов клуба.

Уже давно рядом нет никого из тех, с кем я начинал. Не скрою, это тяжело, особенно, когда выпадали часы отдыха. У молодых ребят свои интересы, свои любимые фильмы и мелодии. Меня уже не радовали ни рыбалка, ни шахматы, ни кино… Обычно коротал время в разговорах с массажистом Сергеем Чекмаревым — он ближе по возрасту. Или уходил в гости к политработнику военного санатория Юрию Евгеньевичу Данилову, который когда-то помогал мне подготовиться к экзаменам в Военно-политической академии.

…Да, пора повесить коньки на гвоздь. Пусть другие теперь пройдут этот путь по дорожкам старинного парка.

Я не верю в то, что все лучшее уже было. Жизнь не кончается с последним, финальным свистком. Напротив… Мой старый вышневолоцкий дед, о котором упоминалось в первой главе, выразился по этому поводу очень определенно.

— На льду, — сказал он, — ты показал себя неплохо. Не поскользнулся. Но это была игра. А теперь ты вступаешь в новую жизнь, и может случиться так, что она потребует от тебя приложить поболее сил. Ты политработник, а это, думаю, должность ох какая важная.

Да, я армейский политработник. Не случай распорядился так, а вся логика предшествующих лет. Был секретарем комсомольской организации, делегатом трех съездов ВЛКСМ, членом ЦК Ленинского комсомола. Потом стал парторгом. Мне всегда нравилось работать с людьми, находиться в самой гуще общественных дел. Учиться в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина пошел потому, что хотел глубже понять специфику политработы, приобрести фундаментальные знания по общественным наукам, без которых сегодня шагу ступить нельзя. Конечно, я понимаю, что практического опыта у меня еще недостаточно, но, кажется, некоторые уроки я усвоил. Например, такой: политработник должен быть во всем примером для личного состава. Если ты сам являешься образцом выполнения воинского долга, тогда и с других можешь спросить.

…Прощай, хоккей. Рано или поздно это должно было

случиться, но лучше, чтобы это произошло и не рано, и не поздно. Мой час пробил, я ухожу со льда потому, что уже не чувствую в себе тех сил, которые положено иметь первому вратарю. А вторым я никогда не был.

Я покидаю лед с сознанием выполненного долга. И дело даже не в тех наградах, которые завоеваны. А дело в том, что все эти годы я честно и добросовестно служил своему клубу, своей сборной, нашему советскому спорту.

Я много раз был участником торжественных церемоний, когда в честь наших побед над стадионами разных стран взвивался алый стяг и звучал величавый Гимн Советского Союза. В эти минуты на глаза накатывались слезы. Мы ощущали свою принадлежность к великой Советской стране, великому нашему народу, земле нашей — вот где черпали мы силы для славных побед.

Рядом всегда были друзья, и это тоже великое счастье — быть участником коллективных свершений.

Судьба подарила мне талантливейших наставников: все они — от А. В. Тарасова до В. В. Тихонова — оставили значительный след в моем спортивном и человеческом становлении.

Низкий поклон болельщикам, которые все эти годы тепло поддерживали меня, как бы делились со мной своей силой, верой, оптимизмом. Кто бы я был без всех вас, друзья?!

Я всматриваюсь сегодня в свое прошлое, перебираю в памяти эпизоды громких хоккейных поединков, вновь ощущаю на губах соленый пот «невидимых миру» тренировок. Все было и все это навсегда останется со мной.

Вместо эпилога

Летом 1984 года я объявил о своем решении покинуть лед. С тех пор минул год. Самый непривычный год в моей взрослой жизни, потому что многое мне пришлось начинать как бы заново, с чистого листа Трудно было стоять в воротах под градом шайб, но это являлось моим ежедневным, а потому привычным занятием на протяжении двух десятилетий. Теперь наступала другая жизнь и пришли другие, новые трудности.

Итак, что было потом…

Мы расстались с вами, читатель, в тот момент, когда я переживал нелегкие дни прощания со спортом. Правда, отдыхать долго не пришлось, потому что уже летом 84-го Виктор Васильевич Тихонов попросил меня помочь подготовить к Кубку Канады вратарей сборной СССР. Я с радостью согласился.

Тренировались мы по полтора часа каждый день, и я постарался передать ребятам все свои секреты, все упражнения и приемы. Рассказывал, как по глазам нападающего угадать, куда он в следующую секунду сделает бросок. Делился тонкостями психологической настройки. Говорил об интуиции, без которой вратарь не может рассчитывать на успех. Ребята тренировались охотно и быстро усваивали мои уроки. Может быть, в том, что Володя Мышкин затем был признан лучшим голкипером Кубка Канады, есть хоть маленькая, но и моя заслуга.

Осенью я с головой ушел в новые заботы. Сначала исполнял должность старшего инструктора политотдела ЦСКА по международным связям, затем был назначен замполитом отдела спортивных игр. Оба поста, может, и невелики в масштабах всего нашего армейского спорта, но — могу вас заверить — очень ответственные.

Первое время я по двенадцать часов в день крутился, помогая обеспечивать проведение международных соревнований. Пусть это и не отвечало профилю моей «академической» подготовки политработника, но грех было жаловаться: многочисленные и разнообразные обязанности старшего инструктора по международным связям позволяли глубоко вникнуть в спортивно-организационные проблемы, овладеть обширным кругом практических навыков, без которых мне впоследствии пришлось бы очень туго. Тогда же решил всерьез заняться изучением английского языка, по вечерам мчался к преподавателю, исправно зубрил новые слова и правила. Сколько раз во время зарубежных поездок я жалел о том, что не знаю языка. А почему раньше не учил? Тут не лень. Углубление в чужой язык требует

концентрации внимания, я же тогда был целиком сосредоточен на хоккее, он отнимал все силы без остатка.

Спустя несколько месяцев мои обязанности стали несколько другими, хотя и не менее трудными. Замполит отдела спортивных игр несет ответственность за всю политико-воспитательную работу среди представителей девяти видов спорта — хоккея, футбола, волейбола, баскетбола и т. д. Сами видите, что эти виды, как говорится, на виду. Один футбол чего стоит… В прошлом году армейские футболисты были вынуждены покинуть высшую лигу — это стало итогом кризиса, в котором длительное время пребывала команда. Теперь дело надо исправлять.

В апреле 1985-го я был командирован на юг, где футболисты завершали свою подготовку к сезону. Мне хотелось пожить вместе с ребятами, увидеть их вблизи, почувствовать сильные и слабые стороны команды. Точнее сказать, это пока была еще не команда в том значении, в котором я привык воспринимать родной хоккейный коллектив — с его многолетними традициями, преемственностью поколений, трепетным отношением каждого игрока к чести армейского клуба. Большинство футболистов в этом сезоне впервые надели майки с эмблемой ЦСКА, они пришли к нам из многих городов. Теперь этим, таким разным парням предстояло сплотиться в коллектив, который должен возродить былую славу армейского футбола. Общее у них пока только одно — молодость (средний возраст команды — 22 года), да и мастерством, пожалуй, каждый не обделен. Но будь хоть все они мастерами под стать Пеле, а игра не пойдет, если не сложится настоящий коллектив.

Вера нужна: игроков — друг в друга, тренеров — в игроков, а всей команды — в большую цель. Без веры как без души.

Тогда, на юге, я и пытался, как мог, разжечь огонек этой веры. Конечно, больше всего рассказывал ребятам о победных хоккейных традициях. Об уроках Тарасова, о наших комсомольских собраниях перед главными испытаниями, о стенгазете, встречах с болельщиками, дружбе нашей, умении терпеть боль и биться до последнего. Я видел, что особое впечатление на футболистов производят рассказы о мужестве моих товарищей. Когда я вспоминал о том, как, бывало, ребята сражались на льду, будучи тяжело травмированными — с переломами, ушибами, разрывами связок, — как после некоторых матчей сразу по несколько человек в госпиталь увозили, когда я рассказывал об этом, то порой недоверие читал в глазах у своих слушателей, дескать, не может такого быть. Но это было! И если молодые армейские футболисты не только поверят мне, но и

сделают соответствующие выводы лично для себя, тогда и им станут рукоплескать трибуны.

Сезон 1984–1985 годов трудно сложился и для хоккейной команды ЦСКА. Значительно ослабли защитные порядки команды: ушел я, два месяца из-за травмы не выступал Фетисов. Травмы преследовали Дроздецкого, Васильева, Зубкова, Герасимова, Бабикова. С другой стороны, у армейцев появился весьма грозный соперник в лице столичных динамовцев, которых стал тренировать наш бывший наставник Ю. Моисеев. Юрий Иванович первым делом подтянул там дисциплину, вселил уверенность в игроков, сумел разжечь их самолюбие, хорошие победные амбиции. Моисеев прошел школу Тарасова и Тихонова, для него в хоккее нет тайн, а своих новых питомцев он нацеливал только на первое место.

Борьба между ЦСКА и «Динамо» получилась интригующей. Динамовцы лидировали все время и были, как никогда, близки к золотым наградам первенства СССР. Но на финише их не хватило. Все же потенциал у нас повыше. ЦСКА свел с ними вничью (2:2) предпоследний матч, а через два дня буквально разгромил бело-голубых — 11:1. Я по-человечески очень сочувствовал Мышкину: он стабильно отстоял весь сезон — и вот такой финал… Свои игроки оставили его прямо-таки на растерзание армейцам. Для вратаря подобный счет может обернуться тяжелой психологической травмой.

Решающий поединок состоялся в Киеве. Для того чтобы стать чемпионом СССР, ЦСКА должен был обязательно победить местный «Сокол». Я был с командой и видел, как все волнуются. Длинная дистанция чемпионата осталась позади. Только один матч… И этот матч все решает. Давненько ЦСКА не оказывался в такой острой ситуации на финише первенства СССР.

После первого периода армейцы проигрывали со счетом 1:3. Но потом заиграли по-чемпионски — в тот хоккей, которым всегда славился наш клуб: вихревой, комбинационный, смелый…

Спустя три периода моих товарищей фотографировали на площадке как чемпионов Советского Союза. Впервые за много лет без меня.

Иногда спрашивают: не хочу ли я вернуться на лед? Отвечаю определенно — нет, такого желания за весь год у меня ни разу не возникало. Это ушло, отболело совсем и навсегда. Видно, с избытком хватил я хоккея. Через край.

Учусь болеть, то есть наблюдать за хоккейными матчами со стороны. Не удивляйтесь, именно учусь, потому что раньше я всегда видел игру либо из своих ворот, либо — что было редко — со стороны скамейки запасных. Это разные вещи: быть

участником (даже запасным) и быть зрителем.

Впрочем, обыкновенным зрителем мне, по-видимому, никогда не стать: все время по привычке анализирую действия игроков, особенно вратарей и защиты, вижу ошибки, думаю, как сам бы сыграл в тех или иных ситуациях. Страшно переживаю, когда на льду ЦСКА или сборная, с таких матчей ухожу буквально больным, даже если наши побеждают с крупным счетом. Мне говорят: чего волноваться, смотри и радуйся, как другие. Пробовал — не могу. Во всяком случае, пока не могу.

Сидя на трибуне, я, кстати, делаю для себя некоторые открытия. Раньше, к примеру, воспринимал шум зрителей, как нечто однородное, безликое. Вслушиваться в какие-то отдельные голоса или выкрики я не мог, это исключалось абсолютно. Попросту говоря, я «выключал» все, что не относилось непосредственно к игре, все, в том числе и гул трибун. Теперь, когда сам нахожусь рядом с обычными зрителями, в гуще зрителей, слышу их реплики, возгласы, мнения, теперь я лучше понимаю, насколько они разные — по культуре «боления», по видению игры. Да, да, из одного сектора два болельщика могут видеть два совершенно разных хоккея. Один впитывает в себя всю игру целиком, а переживая за свою любимую команду, не упустит случая порадоваться и удачной комбинации соперников, по достоинству и объективно оценить их меткие броски, грамотные действия в защите, азарт в атаке. Другой болельщик будто бы видит не весь хоккей, а только ту его часть, которая связана с игрой «его» клуба. У него словно шоры на глазах. Арбитр у такого болельщика всегда свистит только в пользу соперника, грубит только соперник, а весь хоккей сводится лишь к одному — победе его любимцев.

Не по душе мне этот второй зритель. Надо уметь радоваться игре, ведь это именно игра и ничто другое. Когда мы в Канаде красиво обыгрывали хозяев, местные болельщики устраивали нам овации — они понимали толк в первоклассном хоккее и, как ни обидно но было им за своих, отдавали должное мастерству гостей.

В Москве «болеть» вообще, по-моему, разучились. Бывает, трибуны переполнены, а тишина во время матча стоит такая, будто не хоккей пришли смотреть, а балет. Порядок порядком, и эмоции через край, конечно, не должны выплескиваться, но хоккеистам скучно играть, когда их не поддерживают. Скучно!

Да, пришлось мне в этом сезоне поболеть… Вволю… Одна Прага чего стоит, мировой чемпионат, который там проходил.

Как член юниорской комиссии Международной федерации хоккея, я прилетел в столицу Чехословакии для участия в работе

комиссии. Был конец апреля, только что завершился предварительный турнир мирового первенства, который, как известно, наши хоккеисты прошли без единой осечки. Сойдя с трапа самолета, я услышал то и дело повторяемые слова: «Советские хоккеисты на голову сильнее всех, их досрочно следует считать чемпионами».

— Поздравляем, Владислав, — сказали встречавшие меня в аэропорту чехословацкие друзья. — Поздравляем с победой ваших. Равных им здесь никого нет.

Я был вполне согласен с этими словами, досрочные поздравления не казались мне комплиментами. Каждому было ясно, что сборная Советского Союза по всем показателям превосходит соперников — для того, чтобы в этом убедиться, даже не требовалось разбираться в тонкостях игры. Мышкин в предварительном турнире меньше всех пропустил, Макаров больше всех забил. Сборная СССР единственная из всех команд не потеряла ни одного очка. Она выглядела грозно.

Правда, меня насторожило то, что команда ЧССР заняла четвертое место, а это автоматически делало ее нашим соперником в первом же финальном матче. Два раза подряд чехословацкие хоккеисты почти никогда не проигрывают. Я мигом вспомнил мировое первенство 1983 года в ФРГ, когда в предварительном турнире они нам уступили, а в финале матч завершился вничью — 1:1. Я опять недобрым словом помянул систему проведения турнира, которая явно не выявляет сильнейшую сборную и выгодна тем, кто играет нестабильно, со срывами.

Но, впрочем, эта мимолетная озабоченность быстро уступила место оптимизму, когда я увидел ребят — жизнерадостных, полных сил и веры в успех. Только Тихонов пожаловался на плохое судейство, других проблем не было.

Что касается некачественного судейства, то я и сам еще в Москве, наблюдая за матчами по телевидению, обратил на это внимание. Уровень работы арбитров был не просто низким — безобразным. Такого я еще не видел. Тон задали американский и канадский арбитры, разрешившие захваты соперника руками — этим грозным приемом тут же воспользовались те хоккеисты, у кого не хватало мастерства. Пострадала же от такого «либерализма» прежде всего наша сборная.

— Тяжело, Владик, — сказал Виктор Васильевич, — но когда нам было легко? Ты же знаешь, что против нас все играют с утроенной энергией.

В тот же вечер я посмотрел вместе с командой фильм в Доме советской науки и культуры, потом ребята меня завезли в «Парк-

отель», а сами отправились в «Интернационал», где всегда останавливается сборная СССР. Условились встретиться завтра после матча с хозяевами.

А на следующий день произошло то, чего не ожидал никто — во всяком случае в нашем лагере. Проиграв со счетом 1:2, советские хоккеисты сразу оказались в очень сложном положении.

Драматически складывался тот поединок. Уже на 7-й минуте Мышкин далеко, очень далеко выкатывается из ворот на Ружичку, потом начинает пятиться назад, вдруг почему-то падает и… Ружичке не остается ничего другого, как забросить шайбу в пустые ворота. Досадно, конечно, но бывает. Вперед! Всем — вперед, на тотальный штурм соперника — такую команду, вероятно, отдали наши тренеры. Однако спустя пять минут — еще один удар: из-за оплошности защитников шайба вновь влетает в сетку ворот нашей сборной. Фора в два гола в такой встрече? Непростительно…

Соперник и не простил. Чехословацкие тренеры тут же мгновенно перегруппировали силы, построив все дальнейшие действия своих спортсменов по системе 1–4, то есть ушли в глубокую и надежную защиту. Они поняли, что теперь требуется только одно: во что бы то ни стало удержать счет. Любой ценой.

Наши же стали спешить. Время таяло. А когда спешишь, то невольно делаешь ошибки. Отыграли второй период — ничего не получалось. Пошел третий, и тут наконец Хомутов забивает ответную шайбу. Чехословацкие хоккеисты к этому времени уже не играли в хоккей, а только разрушали атакующие построения наших, не давали им играть. Что ж, их можно было понять. Еще вчера не имея, по существу, шансов на победу, они сейчас почувствовали себя совсем рядом с золотыми медалями.

Так, со счетом 1:2, и закончился этот матч в Праге.

А мне припомнилась Вена, мировое первенство 1977 года. Как похоже все. Восемь лет назад нас тоже досрочно поздравляли и уверяли, что достойных соперников у нас нет. Мы тогда, на старте, буквально разгромили канадцев — 11:1, убедительно переиграли чехословацкую команду — 6:1, словом, так же, как здесь, в Праге, завоевали прочную репутацию единоличных лидеров. Оставалось в четырех предстоящих матчах взять всего три очка и — чемпионы. Подсознательно каждый игрок уже чувствовал себя победителем, уже ощущал на груди приятную тяжесть золотой медали.

Это и подвело нас. Три матча из четырех мы тогда проиграли. Три из четырех! Дважды уступили шведам, один раз команде Чехословакии и в итоге остались только с «бронзой». Это самая

большая сенсация, может быть, за всю историю мировых чемпионатов. Вот к чему приводит расхолаживание. Я и сейчас, спустя восемь лет, думаю, что в Вене мы были намного сильнее всех, но…

Так что же, забыт тот урок? Похоже, забыт. В Праге проиграли хозяевам, затем проиграли канадцам и с позиции лидера откатились на третье место. Опять парадокс: явно сильнейшая сборная, самая сильная из всех, довольствуется «бронзой».

Я не хочу здесь заниматься разбором причин, которые привели к неудаче, об этом довольно подробно писалось в периодической печати. Ограничусь несколькими замечаниями. Во-первых, что бы там ни говорили, а неудача носит все-таки относительный характер, третье место отнюдь не отражает реальную силу советского хоккея. Во-вторых, я категорически не согласен с теми, кто критиковал наших тренеров за неумение подстроиться к существующей системе розыгрыша, призывал их, что называется, выгадывать очки, беречь силы, не во всех встречах играть на победу. Нет, это не в духе советского хоккея, не наш это принцип. Да, верно, не хватило пороху, не все хоккеисты в решающих матчах показали максимум возможного, не чувствовалось в игре команды на финише былой свежести, но это проблемы, относящиеся скорее к организации тренировочного процесса, чем к соревновательной стратегии.

Нет слов, обидно: уступили Кубок Канады, теперь отдали «золото» мирового первенства. Но спорт есть спорт, и не для того тренируются наши соперники, чтобы вечно быть вторыми и третьими. Опять-таки вспомню Вену: после той осечки советский хоккей восемь лет не знал поражений (не считая Лейк-Плэсида). Будет и теперь так — я убежден в этом. Обязательно будет!

Вот на этой оптимистической ноте позвольте мне и поставить точку. Пока поставить. Я ушел со льда, но жизнь продолжается, а значит, впереди у нас новые встречи.